ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЬЯ и ШКОЛА

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ЮЛ. СИМАШКО.

1872 ГОДЪ. № 10. ДЕКАБРЬ.

Пров. 50

КНИГА I.

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи П. П. Меркульева, Графскій пер., д. № 5.
1872.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 24 декабря 1872 года.

ЗИМА.

Снѣгомъ улица покрылась;
Вотъ ужъ и сама
Въ гости къ намъ заторопилась
Бабушка зима.

Вся подъ бѣлой пеленою
Елочку несетъ
И, мотая головою,
Пѣсенку поетъ:

Дѣти, къ вамъ, на радость вашу
Елку я несу...
Елку всю я изукрашу,
Лакомствъ припасу.

Будутъ всякія игрушки:
Мячики, коньки,
Избы, куклы, погремушки,
Звѣри и волчки.

А коль есть шалунъ-проказникъ,
То скажу я вамъ,
Что такому я на праздникъ
Ничего не дамъ.

Гр. Салогубъ.

РАЗДУМЬЕ СТАРИКА.

Вотъ въ закоптѣлой, бѣдной хатѣ
Семья за ужиномъ сидитъ;
А на неё, съ своихъ палатей,
Старикъ, сѣдой, какъ лунь, глядитъ.
Пустыя щи да хлѣбъ горѣлый
Семья безропотно жуётъ;
И свѣтъ лучины отсырѣлой
То вдругъ померкнетъ, то блеснётъ.

Лежитъ старикъ и разсуждаетъ:
«Эхъ, всю-то жизнь бѣднякъ не знаетъ
«Себѣ покоя, спину гнетъ,
«Какъ волъ, безъ устали трудится...
«Съ нуждой да горемъ онъ родится,
Съ нуждой да горемъ и умрётъ.
««Сколотятъ гробъ ему досчатый,
«Да на погостъ снесутъ его;
«А какъ поминокъ нѣтъ богатыхъ,
«Нѣтъ и за гробомъ никого...
«Ну, погрустнтъ жена, съ семьёю
«Поплачетъ—дѣти поревутъ;
«Потомъ, обычной чередою
«За днями снова дни пойдутъ.
«Ну вотъ хоть я? вѣкъ копошуся,
«Пока совсѣмъ въ дугу согнётъ.
«Эхъ, буду радъ я, признаюся,
«Когда Богъ по душу пошлётъ!»

И вотъ, ему какъ будто кто-то
Шепнулъ:
«Я присланъ за тобой!
«Пора тебѣ свои заботы
Смѣнить на отдыхъ и покой».
Старикъ не струсилъ, не замялся:
Онъ будто вдругъ помолодѣлъ;
Съ палатей бодро приподнялся
И съ кѣмъ-то въ высь онъ полетѣлъ.
Летѣлъ старикъ и все дивился,
Какъ міръ подлунный передъ нимъ
Узорной скатертью стелился,
Какъ, будто сквозь прозрачный дымъ,
Синѣли долы и казались
Ему кустарникомъ лѣса,
Какъ звѣзды кротко улыбались,
Повысыпавъ на небеса.

Вотъ конченъ путь. Передъ собою
Старикъ увидѣлъ чудный садъ.
Какой-то радостью святою
Онъ былъ въ душѣ своей объятъ!
Вездѣ цвѣты благоухаютъ,
Вездѣ отрада и покой:
Тутъ духи свѣтлые не знаютъ
Тоски и горести земной.
— «Ну, вотъ, старикъ, твоё хотѣнье,—
Ему вновь голосъ прошепталъ,—
«Теперь сбылось. Отдохновенье
«Всещедрый Богъ тебѣ послалъ!
«Ты говорилъ, зачѣмъ богатыхъ
«Онъ съ бѣдняками не сравнялъ?
«Зачѣмъ въ избѣ, а не въ палатахъ,
Съ своей семьёй ты проживалъ?
«Такъ знай—Господь всегда ровняетъ
«И богачей, и бѣдняковъ!
«Кто на землѣ скорбитъ, страдаетъ,
«Того отъ тяжкихъ Онъ оковъ

«Освобождаетъ въ жизни этой,
«Гдѣ ничему предѣловъ нѣтъ,
«Гдѣ всё лишь благостью согрѣто,
«Гдѣ правда, истина и свѣтъ!»

Старикъ заплакалъ и рванулся...
Вотъ жить ему гдѣ суждено!
Онъ громко вскрикнулъ и... проснулся!

Глядь... въ хатѣ пусто и темно...
Старикъ вздохнулъ, перекрестился.

— «Знать, самъ Господь послалъ мнѣ сонъ,
«Чтобъ не роптalъ я, не крушился...»
Благоговѣйно молвилъ онъ.

Е. Щепина.

ГРИША.

(Окончаніе).

Мелочной торговецъ.—Грамотность.—Трудъ.—Благосостояніе.

День былъ праздничный. Погода стояла великолѣпная; толпы народа сновали взадъ и впередъ по улицамъ. Гриша шелъ какъ-то машинально, заглядывался на прохожихъ, на окна магазиновъ, но въ головѣ его не было никакой опредѣленной мысли, онъ чувствовалъ только тяжесть на сердцѣ, но не пытался уяснить себѣ, откуда она происходитъ. Долго шелъ онъ такимъ образомъ и вдругъ остановился: безсознательно поворачивая изъ улицы въ улицу, онъ очутился въ Гончарной, около того самаго дома, гдѣ жили его знакомые. Видъ этого дома сразу заставилъ мальчика очнуться, понять свое положеніе.

— Идти, или не идти?—задалъ онъ себѣ вопросъ, прислонясь къ стѣнѣ дома.—Они меня ждутъ съ подарками къ празднику, а я вдругъ приду безо всего.... можетъ тетка Анисья выгонитъ, заворчитъ.... Анка опять заплачетъ.... нѣтъ, лучше не ходить.

Мальчикъ отошелъ отъ воротъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ.

— А куда же я дѣнусь?—явился у него новый вопросъ,—гдѣ я буду ночевать сегодня? Тетка Анисья хотя и ворчитъ, а все же она не злая, можетъ опять работу найдетъ (при мысли о работѣ сердце мальчика сжалось, страшно ему было думать, что, пожалуй, опять отдадутъ его къ такимъ же строгимъ, важнымъ господамъ, какъ Гурьевы). Анка поплачетъ, а тамъ и засмѣется, рада будетъ, что увидала меня.... пойду, ничего, вѣдь я не виноватъ, что мнѣ господа велѣли убираться, я не по своей волѣ ушелъ.

Онъ быстро повернулъ назадъ къ знакомымъ воротамъ, на

душѣ стало у него какъ-то легче, когда онъ рѣшился не убѣгать отъ людей, которые одни могли быть его друзьями; онъ скорыми шагами прошелъ дворъ, взошелъ по лѣстницѣ и безъ малѣйшаго колебанія отворилъ дверь.

— А, Гришутка! — привѣтствовала его Анисья, первая замѣтившая его появленіе, — что господа отпустили на праздникъ погулять?

— Нѣтъ, тетенька Анисья, смущеннымъ голосомъ отвѣчалъ Гриша—меня господа не отпускали: я совсѣмъ отъ нихъ ушелъ.

— Какъ совсѣмъ? что это значитъ?—посыпались вопросы. Анка подошла ближе и смотрѣла на Гришу не то съ недоумѣніемъ, не то со страхомъ.

— Да такъ, они сказали: убирайся, я и ушелъ.

— Такъ значитъ тебя просто выгнали, негодный ты мальчишка, — всплеснула руками Анисья, — за хорошее дѣло не скажутъ: «убирайся»; ты, вѣрно, нашалилъ что-нибудь?

— Своровалъ должно быть, — замѣтилъ ворчливый старикъ.

— Ничего я не шалилъ и не своровалъ, сердитымъ голосомъ отвѣчалъ Гриша и, не обращая ни на кого вниманія, пошелъ въ Анкинъ уголокъ. Ему стало вдругъ и досадно и страшно грустно. Онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, онъ какъ-то безсознательно надѣялся услышать въ этой комнатѣ хоть слово утѣшенія, а вмѣсто того его бранятъ, его обвиняютъ.

Онъ сѣлъ на Анкину постельку и закрылъ лицо руками.

— Ишь, волченокъ, и говорить не хочетъ, — со злобой замѣтила Анисья.

— Гришенька, разскажи, за что тебя выгнали — попросила Анка, подсаживаясь къ нему.

— Я тебѣ разскажу, а имъ говорить не буду—отвѣчалъ мальчикъ, и тутъ же шопотомъ сталъ передавать подругѣ всю исторію объ елкѣ и о найденной бумажкѣ. Анка слушала его съ большимъ вниманіемъ; она точно также, какъ и самъ Гриша, не могла понять, за что его называютъ воромъ и за что его выгнали; впрочемъ это мало интересовало ее; ей главнымъ образомъ нравилось описаніе елки и потомъ ей очень хотѣлось знать, что именно думалъ Гриша купить на 3-хъ рублевую бумажку. Отвѣчая на ея распросы, мальчикъ забылъ отчасти свое горе, и уже сталъ говорить громкимъ, веселымъ голосомъ. Вдругъ къ дѣтямъ съ грознымъ видомъ подошла Анисья:

— Да ты что это, голубчикъ, разсѣлся-то тутъ,—обратилась она къ Гришѣ,—не воображаешь ли ты, что я тебя держать у себя стану? Какъ бы не такъ! Не съумѣлъ ужиться на порядочномъ мѣстѣ, такъ и убирайся, куда знаешь! Слышишь?

— Куда же я пойду, тетенька Анисья?—смиреннымъ голосомъ спросилъ Гриша.

— А мнѣ что за дѣло! Я то съ какой радости стану держать тебя? Да у меня и мѣста нѣтъ, видишь, всѣ углы заняты.

Гриша посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ онъ жилъ съ шарманщикомъ, тамъ расположилось теперь цѣлое семейство, состоявшее изъ мужа, жены и двухъ маленькихъ дѣтей. Онъ всталъ съ мѣста и печально оглядѣлъ комнату.

— Прощай, Анка, прощайте, тетенька Анисья, проговорилъ онъ грустнымъ голосомъ. Анисья была не злая женщина. Ей вдругъ жалко стало выгонять на улицу бѣднаго, беззащитнаго сироту.

— Слушай—остановила она его,—ты тово.... ужо вечоръ заходи, гдѣ-нибудь примемъ тебя—переночуешь, не на улицѣ же тебѣ мерзнуть, вѣдь и мы не злодѣи.

— Спасибо, тетенька Анисья, поклонился старухѣ Гриша.

— Гришенька, не уходи, ласкалась къ мальчику Анка, которой очень хотѣлось еще поболтать съ нимъ.

— Ну—чего ему тутъ дѣлать?—вступилась Анисья, пусть пойдетъ, потолкается среди народа, можетъ и работишку какую найдетъ, я пристанище ему дамъ пока, на нѣсколько деньковъ, а кормить мнѣ его нечѣмъ, самъ долженъ промышлять.

И Гриша ушелъ изъ дому промышлять себѣ пищу.

Легко сказать: промышлять, но какъ и чѣмъ, этого мальчикъ самъ не зналъ, да и никто не могъ сказать ему. Часа два ходилъ онъ по улицамъ, толкаясь среди народа, какъ сказала тетка Анисья, и ничего не могъ найти; голодъ сильно мучилъ его, а ему не на что было купить даже куска хлѣба.

— Попробую попросить милостыни,—подумалъ наконецъ мальчикъ. Это было для него дѣло не новое. Часто, когда музыка давала имъ мало сбору, старый шарманщикъ посылалъ его вмѣстѣ съ Анкой протягивать руку прохожимъ. Онъ выбралъ себѣ мѣстечко на тротуарѣ, на углу двухъ улицъ, и сталъ робкимъ, молящимъ голосомъ обращаться къ проходившимъ господамъ, прося

у нихъ хотя копѣечку, ради праздника Христова. Большинство проходило, не обращая на мальчика вниманія, но нѣкоторые останавливались, какъ бы желая помочь ему, и опускали руку въ карманъ за деньгами. Только странное дѣло: оглядѣвъ съ ногъ до головы Гришу, они перемѣняли намѣреніе и шли дальше, ничего не давая ему. Мальчикъ никакъ не понималъ, отчего это, и чуть не плакалъ отъ голода. Вдругъ позади его раздался грубый смѣхъ. Онъ обернулся: тамъ стоялъ мальчикъ нѣсколько постарше его въ какомъ то засаленномъ зипунѣ и старой фуражкѣ съ оторваннымъ козырькомъ.

— Чего ты смѣешься?—съ досадой спросилъ у него Гриша.

— Еще бы не смѣяться—отвѣчалъ мальчикъ, продолжая хохотать, одѣлся бариномъ, да вздумалъ христорадничать! какой же дуракъ подастъ тебѣ!

Гриша оглянулся на себя, онъ былъ въ платьѣ, подаренномъ господами, и, конечно, казался слишкомъ нарядным для нищаго.

— Что же мнѣ дѣлать?—жалобнымъ голосомъ проговорилъ Гриша,—вѣдь платье не дастъ мнѣ ѣсть, а мнѣ не на что куска хлѣба себѣ купить!

— Экій дуракъ!—вскричалъ мальчикъ,—ну хочешь такъ: отдай мнѣ твою шапку, а я тебѣ дамъ пятакъ!

Гришѣ пятакъ былъ очень нуженъ, но онъ все-таки понялъ, что ему предлагаютъ слишкомъ невыгодную мѣну.

— А какъ же я-то самъ буду безъ шапки?—спросилъ онъ.

Мальчикъ задумался. Гришина шапочка, видимо, очень нравилась ему.—Ну такъ и быть,—произнесъ онъ черезъ нѣсколько минутъ,—я тебѣ дамъ въ придачу свою фуражку.—Гриша согласился. Голодъ мучилъ его такъ сильно, что онъ не разсмотрѣлъ какую дрянную, засаленную, разодранную фуражку получилъ вмѣсто своей шапочки и, сжимая пятакъ въ рукахъ, пустился со всѣхъ ногъ бѣжать въ лавочку купить себѣ хлѣба. Этотъ способъ пріобрѣтенія денегъ показался ему и легкимъ, и удобнымъ.

— Въ этомъ платьѣ, и вправду, нельзя просить милостыни,—говорилъ онъ самъ себѣ,—я буду лучше носить то, въ которомъ ходилъ со старикомъ, а это все продамъ понемножку.

На другой же день онъ обратился къ мальчику, купившему у него шапку, съ предложеніемъ купить и его сюртучекъ, или хотя жилетъ.

— Нѣтъ, братъ,—отвѣчалъ мальчикъ,—у меня и денегъ-то всего былъ пятакъ, что я тебѣ вчера далъ; гдѣ мнѣ покупать, а хочешь я тебя сведу къ моему дѣду въ рынокъ, такъ онъ у тебя все купитъ.

Гриша согласился и новый знакомый повелъ его въ такъ называемый толкучій рынокъ. Гришѣ никогда прежде не случалось бывать тамъ, и онъ съ любопытствомъ заглядывалъ во всѣ эти маленькія лавчонки, около которыхъ лежали на землѣ цѣлыя груды линялыхъ тряпокъ и, повидимому, никуда негодныхъ обломковъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики: «Баринъ, что покупаете, пожалуйте сюда? Господинъ, что продаете? къ намъ заходите!» Множество народа ходило взадъ и впередъ, толкаясь, громко разговаривая, перебраниваясь. Гриша совсѣмъ растерялся и не зналъ въ какую сторону повернуть. Но его товарищъ чувствовалъ себя, какъ дома, среди всей этой суеты. Онъ заговаривалъ съ торгашами, поддразнивалъ торговокъ, отвѣчавшихъ ему ругательствами; въ одномъ мѣстѣ ступилъ на кучу тряпья, за что получилъ сильный толчекъ отъ сидѣвшей возлѣ него старухи; въ другомъ мѣстѣ пустилъ комомъ снѣга въ мальчика, стоявшаго возлѣ небольшой груды желѣзныхъ обломковъ и перебиравшаго какіе-то заржавленные замки. Наконецъ, онъ остановился передъ одной маленькой лавочкой и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Ну, дѣдъ, вылѣзай сюда, я тебѣ привелъ продавца, иди, смотри его.

Изъ лавочки вышелъ сгорбленный, сѣдой старикъ, одѣтый въ какой-то длинный, заплатанный балахонъ.

— Что такое? Чего ты орешь?—обратился онъ къ внуку далеко не ласковымъ голосомъ.

— Вотъ платье продаетъ! указалъ мальчикъ на Гришу.

— Платье? какое такое платье? спросилъ старикъ.

Гриша робко развернулъ узелокъ, гдѣ у него лежали сюртучекъ, жилетъ и панталоны, подаренные ему господами. Старикъ взялъ всѣ эти вещи и долго внимательно осматривалъ ихъ, поворачивая во всѣ стороны.

— А чье это платье?—спросилъ онъ, окидывая Гришу суровымъ взглядомъ.

— Мое, мнѣ господа дали,—отвѣчалъ Гриша.

— Господа дали?—переспросилъ старикъ, и опять сталъ вни-

мательно разсматривать платье. — Какъ, ты смѣешь лгать — вскричалъ онъ вдругъ, сердито топнувъ ногой, — ты укралъ это платье, ахъ, ты негодный мальчишка, вотъ я сейчасъ позову городоваго?

Гриша страшно перепугался.

— Я не кралъ, ей Богу, не кралъ,—повторялъ онъ дрожащимъ голосомъ,—я не буду продавать, если вы не хотите... я возьму ихъ назадъ.

И онъ протягивалъ руку за своими вещами.

— Какъ возьмешь назадъ? ворованныя-то вещи, вскричалъ старикъ,—убирайся! пожалуй, такъ и быть, я не стану звать полицію, только живо, чтобы духу твоего здѣсь не было! слышишь?

Гриша хотѣлъ возражать, хотѣлъ просить, чтобы ему отдали его вещи, но старикъ посмотрѣлъ на него съ такою злобою, что бѣдняжка не на шутку струсилъ и пустился скорѣй бѣжать. Сзади его раздался насмѣшливый хохотъ того мальчика, который привелъ его на рынокъ. Ему казалось, что за нимъ гонятся, что старикъ исполнилъ свою угрозу и позвалъ полицію, и онъ бѣжалъ, бѣжалъ, пока не очутился на улицѣ, довольно далеко отъ рынка. Тогда только онъ остановился и осмотрѣлся кругомъ. Никакой погони за нимъ не было, никто не обращалъ даже на него вниманія. Что же ему теперь дѣлать? у него нѣтъ ни платья, ни денегъ, а ѣсть опять хочется, страшно хочется. Попробовать развѣ просить милостыню. Онъ протянулъ руку первому встрѣчному, тотъ прошелъ мимо, не глядя на него, второму — также ничего, наконецъ, уже третій сжалился надъ нимъ и подалъ ему копѣйку. Этотъ успѣхъ ободрилъ его, онъ постарался дѣлать самыя плачевныя гримасы и говорить самымъ жалобнымъ голосомъ. Большинство не обращало на него вниманія, но все-таки въ день ему удалось набрать 6 копѣекъ, и онъ кое-какъ утолилъ свой голодъ. Ночевать онъ, какъ и наканунѣ, пошелъ къ теткѣ. Она, хотя съ большимъ ворчаньемъ, дала ему кой-какую постель и указала мѣстечко у самыхъ дверей, гдѣ онъ могъ спать, не мѣшая сосѣдямъ. Анка раздѣлила съ нимъ свой скудный ужинъ и бѣдный мальчикъ заснулъ, не чувствуя себя особенно несчастнымъ. Онъ разсказалъ теткѣ Аннсьѣ, какъ злой старикъ отнялъ у него платье. Аннсья назвала его дуралеемъ, а старика—разбойникомъ

и посовѣтовала ему не знаться съ разными негодями, чтобы не нажить еще большей бѣды.

— Ну, какъ ты теперь работы будешь себѣ искать?—спрашивала она его,—куда ты такимъ оборванцемъ супешься, вѣдь тебя никто не возьметъ, а у меня было мѣстечко на примѣтѣ для тебя.

— Да я ужъ тетенька лучше Христовымъ именемъ поживу,—робко замѣтилъ Гриша,—какая мнѣ работа!

— Христовымъ именемъ? дуракъ ты и есть дуракъ!—отвѣчала Анисья,—развѣ ты не знаешь, что нищенствовать не позволено? Ну, да Богъ съ тобой, пусть тебя возьмутъ въ полицію, все хоть куда нибудь пристроютъ!

Гришѣ этого пристроенія вовсе не хотѣлось, и онъ рѣшилъ вести себя какъ можно осторожнѣе. Онъ сталъ зорко оглядываться кругомъ, прежде чѣмъ протянуть руку какому-нибудь прохожему, и чуть вблизи показывался полицейскій, тотчасъ же перебѣгалъ на другую сторону улицы, или принимался, какъ ни въ чемъ не бывало, разсматривать товары, выставленные на окнахъ магазиновъ. Первые дни всѣ эти уловки были ему очень непріятны; иногда онъ даже съ сожалѣніемъ вспоминалъ о полутемной передней Гурьевыхъ, гдѣ онъ могъ сидѣть спокойно, никого не боясь, ни отъ кого не прячась; но, мало по малу, онъ привыкъ къ своей новой жизни, ему стало даже нравиться бродить цѣлый день по улицамъ, угадывать по лицамъ прохожихъ, на сколько они могутъ быть щедры, обманывать своимъ невиннымъ видомъ полицейскихъ. Только въ тѣ дни, когда погода была особенно дурна или когда ему не удавалось набрать себѣ даже на хлѣбъ, онъ начиналъ жалѣть о своей жизни и желать какой нибудь перемѣны ея. Одинъ день былъ для него особенно несчастливъ. Съ утра дулъ сильный вѣтеръ; онъ сметалъ съ улицы снѣгъ, въ видѣ мелкой холодной пыли, и несъ его прямо въ лицо; по обледенѣлымъ плитамъ было страшно скользко ходить. Прохожіе о томъ только и думали, какъ-бы скорѣй добраться до дому, и никому не было охоты останавливаться подавать нищимъ. Бѣдный Гриша съ утра не добылъ ни копѣйки и не ѣлъ ни крошки. На голодный желудокъ холодъ еще сильнѣе пронималъ его. Онъ уже забылъ всякую осторожность и жалобнымъ голосомъ обращался съ просьбой о подаяніи ко вся-

кому встрѣчному. Никто не слушалъ его, всякій равнодушно проходилъ мимо, думая только о себѣ. Вотъ ужъ короткій зимній день приходитъ къ концу, зажгли фонари, Гриша въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ дома и крупныя слезы потекли изъ глазъ..... Онъ пошелъ-бы домой, если-бы могъ расчитывать хоть на половину Анкина ужина. Но нѣтъ—у Марьи не было работы, бѣдная дѣвочка вчера сама легла, не ѣвши, и сегодня будетъ то-же...

— А все же лучше пойти, тамъ хоть тепло,—подумалъ мальчикъ, и печально поплелся къ дому. Голодъ мучилъ его, мучилъ невыносимо. Вотъ онъ идетъ мимо ярко освѣщенной лавки, онъ машинально заглянулъ внутрь, тамъ продаются канцелярскія принадлежности и разныя мелочи; за прилавкомъ сидитъ сѣдой старикъ, съ такимъ добрымъ выраженіемъ лица, что Гриша сразу почувствовалъ къ нему довѣріе.

— Онъ хорошій, онъ дастъ!—мелькнуло въ головѣ мальчика. Онъ вошелъ въ лавку и проговорилъ голосомъ, дрожавшимъ отъ холода. «Дѣдушка, подай, Христа ради, копѣечку, смерть, ѣсть хочется!»

Старикъ поднялъ на мальчика свои добрые сѣрые глаза и внимательно оглядѣлъ его.

— Ишь, какъ зазябъ, даже посинѣлъ весь—произнесъ онъ сострадательнымъ голосомъ,—пожалуй, пообогрѣйся немножко, непогода-то какая стоитъ!»

Гриша сдѣлалъ нѣсколько шаговъ:

— Дѣдушка, — проговорилъ онъ сквозь слезы, — я ѣсть хочу!»

Старикъ опять оглядѣлъ его, потомъ досталъ откуда-то изъ задняго угла комнаты большой кусокъ напошника и подалъ его мальчику, со словами:

— На, ѣшь, да присядь тутъ на стульчикъ, пока покупателей нѣтъ.

Гриша сѣлъ на стулъ, указанный старикомъ, и принялся съ жадностью пожирать хлѣбъ. Старикъ продолжалъ смотрѣть на него все тѣми-же сострадательными глазами.

— Что есть у тебя отецъ, или мать?—спросилъ онъ, когда замѣтилъ, что мальчикъ нѣсколько утолилъ голодъ.

— Нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры—

никого нѣтъ! — отвѣчалъ Гриша, и слезы опять потекли изъ глазъ его.

— Чѣмъ же ты живешь, нищенствуешь? спросилъ старикъ.

Вмѣсто отвѣта, Гриша вздохнулъ и печально опустилъ голову.

— Плохо это, голубчикъ, сказалъ старикъ, тебѣ-бы лучше къ работѣ какой попривыкнуть, такъ изъ тебя бы, можетъ, и хорошій человѣкъ вышелъ; а нищенствомъ жить, самъ видишь, не сладко, да и до дурнаго можетъ довести!

— Я бы радъ работать, да мнѣ работы не найти!—жалобнымъ голосомъ отвѣчалъ Гриша.

— Оно точно, работы искать дѣло не легкое,—согласился старикъ,— а ты понавѣдывайся, когда случится, ко мнѣ, я тебя посмотрю, коли ты не баловникъ, да мальчикъ честный, такъ, можетъ, и найду тебѣ какое дѣло!

— Спасибо, дѣдушка!—повеселѣвшимъ голосомъ отвѣчалъ Гриша. Добрый старикъ очень понравился ему, онъ охотно посидѣлъ бы еще въ его теплой, свѣтлой лавкѣ, но дверь отворилась, вошли покупатели и старикъ сказалъ ему:

— Ну, теперь, ступай съ Богомъ!—такъ что онъ долженъ былъ опять идти на холодную, темную улицу.

Слова старика произвели на мальчика впечатлѣніе.

— И вправду, что мнѣ такъ шататься-то, думалось ему,— терпѣть голодъ да холодъ; лучше-бы какую ни на есть работу найти, хотя-бы сытъ былъ.

Съ этими мыслями онъ пришелъ домой и тотчасъ же обратился къ теткѣ Анисьѣ съ просьбою отъискать ему какое-нибудь мѣстечко. Анисья была отчего-то не въ духѣ и очень недружелюбно встрѣтила его слова.

— Вотъ выдумалъ, заворчала она—да что у меня припасены для тебя мѣстечки, что-ли? Пристроила тебя къ хорошимъ людямъ, не съумѣлъ ужиться,—ну теперь и дѣлай самъ, какъ знаешь!

На другой день былъ какой-то праздникъ. Погода стояла великолѣпная. Солнце ярко свѣтило на голубомъ небѣ, термометръ показывалъ всего 5 градусовъ мороза. На улицахъ толпился народъ: всѣмъ пріятно было прогуляться въ такой теплый зимній день. Гришѣ посчастливилось. Первый прохожій,

встрѣченный имъ, подалъ ему цѣлый пятакъ. Мальчикъ былъ веселъ и, закусивъ немножко, беззаботно бродилъ по улицамъ, не думая ни о какой работѣ. Однако день, начавшійся для него такъ удачно, продолжался уже менѣе счастливо. Прохожіе не такъ плотно кутались въ свои шубы, какъ наканунѣ, не такъ спѣшили скорѣй убраться съ улицы, но они все-таки очень равнодушно слушали просьбы маленькаго нищенки и вовсе не думали помогать ему. Гриша вышелъ на одну изъ самыхъ богатыхъ улицъ, надѣясь, что богатые господа, гуляющіе тамъ, окажутся добрѣе; но все напрасно, никто не далъ ему ни копѣйки. Скоро онъ замѣтилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоитъ мальчикъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, и занимается одинаковымъ съ нимъ дѣломъ, но занимается, повидимому, гораздо успѣшнѣе. Вотъ проходятъ двѣ богато одѣтыя дамы, весело болтая между собой; Гриша тихимъ голосомъ проситъ ихъ дать копѣечку, Христа ради, онѣ идутъ мимо, едва взглянувъ на него; а другой мальчикъ что-то тихо говоритъ имъ, онѣ останавливаются, слушаютъ его и подаютъ ему, кажется, даже серебряную монету. Вотъ идетъ толстый господинъ съ такимъ добродушнымъ лицомъ, что Гриша навѣрно расчитываетъ что-нибудь получить отъ него, но нѣтъ—онъ вовсе не слушаетъ его просьбы, а тому, другому мальчику, и онъ подаетъ милостыню. Это очень заинтересовало Гришу и онъ потихоньку подошелъ къ своему счастливому сотоварищу. Въ эту самую минуту мимо него проходила нарядная дама съ двумя дѣвочками. Маленькій нищій остановилъ ее. «Добрая барыня!—сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ—ради Бога, подайте мнѣ что нибудь, у меня мать вчера умерла, маленькая сестренка съ голоду умираетъ, мнѣ нечѣмъ похоронить ее!»

Дѣвочки остановились и глядѣли на нищаго полуиспуганно, полусострадательно.

— А отецъ есть у тебя? спросила у него дама.

— Нѣту, матушка,—отвѣчалъ мальчикъ, утирая рукавомъ глаза,—онъ померъ нынче осенью, я сирота.

Дама сунула ему въ руку какую-то монету и прошла дальше. Мальчикъ вытащилъ изъ за пазухи небольшой кожанный кошель, пересчиталъ деньги, находившіяся въ немъ, и, казалось,

остался очень доволенъ. Онъ подскакнулъ на одной ножкѣ и пошелъ вдоль по улицѣ, весело насвистывая.

Гриша догналъ его.

— У тебя вправду вчера мать умерла?—спросилъ онъ.

— А тебѣ что за дѣло?—дерзкимъ голосомъ отвѣчалъ нищій.

— Я также, какъ и ты, прошу милостыню,—пояснилъ Гриша—только мнѣ мало кто даетъ, а ты всегда столько собираешь, какъ сегодня?

— Какъ случится: иной разъ больше, иной меньше; вотъ какъ умерла мать, такъ много собралъ.

— А тебѣ жалко свою мать?—полюбопытствовалъ Гриша.

— Экій простофиля!—вскричалъ нищій—ты думаешь, она и въ правду умерла? живетъ себѣ, что ей дѣлается! а надо же мнѣ чѣмъ-нибудь разжалобить господъ—ну такъ и говорю.

— Вотъ оно что!—подумалъ Гриша, ишь какой онъ ловкій,—а мнѣ этого и въ голову не приходило?

И чтобы испытать на сколько дѣйствительно средство, употребляемое его новымъ знакомымъ, онъ отсталъ отъ него на нѣсколько шаговъ и жалобнымъ голосомъ повторилъ первому встрѣчному разсказъ объ умершей матери и голодающемъ братѣ. Прохожій не обратилъ вниманія ни на разсказъ, ни на разскащика, но одна женщина, шедшая вслѣдъ за нимъ и слышавшая этотъ разсказъ, тронулась имъ и дала мальчику двѣ копѣйки. Гриша очень обрадовался этому подаянію и хотѣлъ ужъ идти купить на нихъ хлѣба, какъ вдругъ сзади его раздался голосъ маленькаго нищаго.

— Ишь ты какой ловкій,—говорилъ онъ, смѣясь,—мои слова взялъ, да и пересказываешь; нѣтъ, братъ, это не дѣло: ты что нибудь отъ себя говори, а то этакъ намъ и вѣрить не будутъ!

— Да что же мнѣ говорить? спросилъ Гриша.

— Э, братъ, да ты, кажись, совсѣмъ дуракъ,—презрительно замѣтилъ нищій,—ну такъ и быть, я тебя научу, только чуръ: на однѣхъ улицахъ со мной не стоять и за ученье мнѣ гривну серебра.

— Да у меня нѣтъ денегъ!

— Ну, когда будутъ, я подожду! А что ты ѣсть хочешь?

— Очень хочу, у меня всего 2 копѣйки, иду себѣ хлѣба купить.

— Ужъ такъ и быть, угощу тебя, пойдемъ вмѣстѣ въ съѣстную, тамъ я тебѣ такой пирогъ дамъ, что чудо! ты и въ жизни такого не ѣдалъ.

Гриша съ удовольствіемъ послѣдовалъ за своимъ новымъ знакомымъ. Дорогою тотъ разсказывалъ ему о всевозможныхъ хитростяхъ, какія онъ употребляетъ, чтобы выманивать деньги у прохожихъ: какъ онъ выдумываетъ и разсказываетъ разныя жалобныя исторіи о своемъ семействѣ, какъ онъ иногда подвертываетъ ногу, чтобы представиться хромымъ, въ другой разъ представляется нѣмымъ и т. п. Гриша съ большимъ вниманіемъ слушалъ всѣ эти разсказы и думалъ, какъ-бы и самому научиться всѣмъ такимъ хитростямъ. Несчастныя дѣти! ни одному изъ нихъ и въ голову не приходило, какъ безчестно такимъ образомъ обманывать добрыхъ людей, помогающихъ имъ въ нуждѣ, какъ вредитъ ихъ обманъ тѣмъ бѣднякамъ, которые дѣйствительно страдаютъ или отъ увѣчья, или отъ разныхъ семейныхъ несчастій; откроется обманъ какого-нибудь одного плута и сколько честныхъ людей лишатся довѣрія вслѣдствіе этого!

Ни Гриша, ни его новый пріятель и не думали объ этомъ: они были слишкомъ глупы и неразвиты, чтобы умѣть заботиться о комъ-нибудь, кромѣ самихъ себя, они были слишкомъ бѣдны и голодны, чтобы, пріобрѣтая себѣ такъ или иначе кусокъ хлѣба, опасаться повредить этимъ кому-нибудь. Они весело и беззаботно разговаривали о разныхъ плутняхъ, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ; закуска, которой они угостились, очень понравилась Гришѣ. Онъ сговорился всякій день сходиться въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ со своимъ новымъ знакомцемъ и совершенно забылъ совѣты, старика и свое вчерашнее намѣреніе приняться за какую нибудь работу.

Теперь жизнь Гриши пошла веселѣе прежняго.

Маленькій нищій познакомилъ его съ двумя своими товарищами, промышлявшими частью нищенствомъ, частью мелкимъ воровствомъ. Всякій день мальчики сходились вмѣстѣ. Иногда они отправлялись закусывать въ складчину на собранныя деньги, а иногда они отправлялись всѣ вмѣстѣ пріобрѣтать себѣ ужинъ или обѣдъ. Способы, которыми они дѣлали эти пріобрѣтенія, были далеко не честны: они шли на рынокъ, старались

незамѣтно стащить съ лотка продавца что-нибудь съѣстное, иногда нарочно опрокидывали корзину какой-нибудь торговки и бросались помогать ей подбирать упавшія вещи, а между тѣмъ незамѣтно препровождали себѣ въ карманъ то пару яблоковъ, то жирный пирогъ. Въ первый разъ, когда Гришу пригласили на такое предпріятіе, онъ испугался.

— Ай, какъ можно,—сказалъ онъ,—вѣдь это-же воровство!

Мальчики засмѣялись.

— Дуракъ! какое же это воровство! Вотъ воровство, если я, положимъ, вытащу деньги у кого-нибудь изъ кармана; а то стащить рѣпу или яблоко, или булку, это воровство,—выдумалъ!

Это разсужденіе нѣсколько успокоило Гришу, но все таки онъ первое время только любовался тою ловкостью, съ какою дѣйствовали его товарищи, но самъ не рѣшался принимать участіе въ ихъ продѣлкахъ.

Мало по малу, однако, видя, какъ весело они лакомятся украденными вещами, онъ и самъ захотѣлъ пріобрѣсти такимъ же образомъ чего-нибудь сладенькаго.

— Да ты чего боишься,—говорили ему мальчики,—вонъ мы съ которыхъ поръ этакъ-то таскаемъ разныя разности, да вѣдь ничего же. Ну иногда выругаютъ или поколотятъ, такъ это не бѣда, безъ этого никто не живетъ!

И Гриша въ самомъ дѣлѣ убѣждался, что бояться нечего, что на брань и даже на побои не стоитъ обращать вниманія; и черезъ какой нибудь мѣсяцъ онъ уже ни въ чемъ не отставалъ отъ своихъ товарищей.

Нищенствовалъ онъ тоже не по прежнему. Вмѣсто простой просьбы: «подайте, Христа ради!» онъ сочинялъ цѣлыя исторіи. То говорилъ, что у него мать умираетъ, то увѣрялъ, что отецъ его опасно болѣнъ, то просилъ на погребеніе маленькаго брата, то умолялъ сжалиться надъ маленькой сестрицей, неѣвшей 3 дня. Сначала ему было трудно выдумывать всѣ эти исторіи. Въ первый день, когда онъ сталъ разсказывать ихъ, онъ краснѣлъ и говорилъ такъ сбивчиво, что никто не вѣрилъ ему. Одинъ господинъ даже строго прикрикнулъ на него:

— Да ты просто врешь, мальчишка! постой-ка, я позову городоваго, да попрошу его сходить посмотрѣть твою больную мать.

Гриша струсилъ и пустился со всѣхъ ногъ бѣжать подальше отъ строгаго господина.

На слѣдующій день его жалобныя исторіи выходили уже нѣсколько складнѣе, а черезъ мѣсяцъ онъ такъ ловко говорилъ ихъ, строилъ при этомъ такія плаксивыя гримасы, что даже товарищи называли его молодцомъ, и у многихъ добрыхъ барынь, подававшихъ ему милостыню, навертывались слезы на глазахъ.

Добывъ себѣ тѣмъ или другимъ способомъ нѣсколько денегъ и утоливъ свой голодъ, мальчики затѣвали какую-нибудь игру. Для этого они отправлялись въ какую-нибудь пустынную отдаленную улицу, гдѣ ни прохожіе, ни проѣзжіе не могли мѣшать имъ. Игры ихъ были далеко не тихія. Пока стояла зима, они съ толпою другихъ ребятишекъ забавлялись тѣмъ, что бросали комья снѣга другъ въ друга, и если такой комъ попадалъ въ окна одного изъ сосѣднихъ домовъ и разбивалъ стекла, или въ спину случайному прохожему, веселью компаніи не было конца. Весной, комки грязи замѣняли снѣгъ, и часто въ окна вмѣстѣ съ землей стали попадать и маленькіе камешки. Хозяева разбитыхъ стеколъ бранили маленькихъ озорниковъ, дворники съ метлами приходили разгонять ихъ; мальчики, завидя непріятеля, быстро разбѣгались въ разныя стороны и прятались, куда кто могъ, и черезъ нѣсколько времени снова съ шумомъ возвращались на прежнее мѣсто или перекочевывали куда-нибудь подальше. Когда дѣло шло о какой-нибудь проказѣ, мальчики обыкновенно дѣйствовали дружно, заодно; но вообще они не особенно ладили между собой: безпрестанно бранились они самыми гадкими словами безпрестанно изъ за всякихъ пустяковъ вступали въ драку и самымъ немилосерднымъ образомъ колотили другъ друга. Гришѣ не нравились ни эти игры, ни эти постоянныя драки. Онъ отъ природы былъ мальчикъ не задорный, не любилъ бить другихъ и въ особенности очень не любилъ получать побои. Онъ гораздо охотнѣе сталъ бы играть такъ, какъ игралъ съ Петей: придумывать разговоры разныхъ воображаемыхъ людей и разныя происшествія съ этими людьми. Онъ попробовалъ было даже предложить такую игру своимъ новымъ товарищамъ, но тѣ просто осмѣяли его и не захотѣли даже дослушать до конца. Гришѣ скучно было оставаться одному, непріятно было выслушивать насмѣшки мальчиковъ и, вотъ, онъ хотя неохотно, но сталъ принимать участіе въ ихъ шалостяхъ. Ему

было бы веселѣе вмѣсто того, чтобы бѣгать по улицамъ, сидѣть съ Анкой въ ея темномъ уголку, разсказывать ей о всемъ, что съ нимъ случалось, и слушать ея разсказы о томъ, что дѣлали и говорили другіе жильцы комнаты. Но тетка Анисья не любила, когда онъ рано возвращался домой.

— Чего ты—тутъ торчишь, говорила она ему сердитымъ голосомъ,—другіе ребята въ твои года стараются какъ бы себѣ что пріобрѣсти, а тебѣ только бы на мѣстѣ сидѣть да ничего не дѣлать. У, лѣнтяй дрянной, прогоню я тебя отсюда, куда-то ты дѣнешься!

Авдотья также была недовольна, когда Анка вмѣсто того, чтобы няньчиться съ ея Колькой, болтала съ Гришей.

— Ребенокъ кричитъ, а ты глупыми разговорами занимаешься,—бранила она дѣвочку,—не затѣмъ я тебя хлѣбомъ кормлю; взялась что дѣлать, такъ дѣлай, а не то убирайся такихъ, какъ ты, двадцать найду.

Гришѣ непріятно было слышать попреки, еще непріятнѣе было, когда изъ за него попрекали Анку, и онъ старался какъ можно позже приходить домой, какъ можно раньше уходить изъ дому.

Весь день онъ проводилъ на улицѣ или въ обществѣ дурныхъ, испорченныхъ дѣтей, или одинъ, придумывая какіе-нибудь обманы, чтобы выманивать себѣ деньги. Онъ научился лгать и плутовать, не задумываясь; научился браниться, сдѣлался дерзкимъ и грубымъ.

— Гриша,—говорилъ ему разъ дворникъ того дома, гдѣ онъ жилъ, что ты шляешься безъ дѣла, подмети за меня улицу, я тебѣ дамъ двѣ копѣйки.

— Ишь, выдумалъ, старый хрѣнъ,—отвѣчалъ мальчикъ—очень мнѣ нужны твои двѣ копѣйки, самъ дависъ ими!

— Гришутка, чего ты такъ балуешься,—замѣчала Анисья, когда была въ хорошемъ расположеніи духа,—хочешь я тебя сведу на фабрику, тамъ у меня есть одинъ знакомый работникъ, онъ попроситъ, можетъ, тебя и примутъ, все рубля 2—3 въ мѣсяцъ заработаешь.

— Не надо мнѣ твоей фабрики,—отвѣчалъ сердитымъ голосомъ Гриша—сама работай на ней, коли хочешь, мнѣ и такъ хорошо.

Но мальчикъ говорилъ неправду: его пугала работа, отъ ко-

торой онъ совсѣмъ отвыкъ, но его настоящая жизнь не нравилась ему. Ему тяжело было во всякую погоду шляться по улицамъ, съ тревогой глядѣть на каждаго проходящаго, думая: подастъ онъ милостыню, или назоветъ обманщикомъ и кликнетъ городоваго; ему тяжело было вставать каждое утро, не зная, удастся ли поѣсть чего-нибудь днемъ; ему тяжело было знаться съ товарищами, которые безпрестанно заставляли его дѣлать что-нибудь опасное или непріятное, а одному оставаться было скучно. Еще пока стояло лѣто, все ничего, по крайней мѣрѣ отъ холода не приходилось терпѣть. Но вотъ настала осень, холодная, сырая осень; платье бѣднаго мальчика розорвалось и некому было чинить его; вѣтромъ его шляпу снесло въ воду и нечѣмъ ему было прикрыть головы; дождь мочилъ его, холодъ пронизывалъ насквозь.... Дрожа отъ стужи, со слезами на глазахъ, прибѣгалъ онъ къ товарищамъ и жаловался имъ на свою судьбу. Товарищи не смѣялись надъ нимъ: имъ самимъ не легко было переносить непогоду и часто, забравшись вчетверомъ куда-нибудь въ уголокъ, защищенный хоть немножко отъ вѣтра и дождя, они всѣ вмѣстѣ составляли планы, какъ бы вдругъ разбогатѣть, зажить въ теплой квартирѣ, одѣться въ хорошее платье. Глупые это были планы! такіе глупые, что мальчики сами не вѣрили въ возможность исполнить ихъ, но самый разговоръ о хорошей, привольной жизни безъ нужды и лишеній, уже служилъ для нихъ отчасти утѣшеніемъ.

— Мы вотъ что сдѣлаемъ,—говорилъ одинъ изъ мальчиковъ,—нарядимся трубочистами, да и пойдемъ къ какимъ нибудь богатымъ господамъ, какъ будто трубы чистить, а сами похватаемъ скорѣй всякія вещи, какія попадутся подъ руку, да и убѣжимъ. Вещи-то продадимъ, у насъ будетъ много денегъ....

— Нельзя, прерывалъ Гриша, насъ поймаютъ и въ тюрьму посадятъ.

— Эка, поймаютъ!—отвѣчалъ разсказчикъ—никто и не увидитъ, какъ мы убѣжимъ; а заживемъ-то мы какъ славно, я думаю рублей по сту у насъ, у каждаго, будетъ!

— А и поймаютъ, не велика бѣда,—замѣтилъ другой мальчикъ, дрожа отъ холода,—ужъ хуже, чѣмъ теперь, не будетъ.

Всѣ эти разговоры произвели сильное впечатлѣніе на Гришу: воровство и слѣдующее за нимъ наказаніе перестали казаться ему чѣмъ-то необыкновенно страшнымъ, и все чаще и чаще оста-

навливался онъ на мысли о томъ, какъ хорошо бы вдругъ разбогатѣть какимъ-бы то ни было образомъ.

Разъ, вечеромъ, онъ возвратился домой, вполнѣ занятый этою мыслію. При входѣ его въ комнату, никто не обратилъ на него вниманія. Всѣ дѣти, кромѣ Анки, спали; ворчливый старикъ также спалъ; а остальные жильцы собрались въ кучку и вели оживленный разговоръ о смерти кого-то изъ своихъ знакомыхъ. Гриша прошелъ въ уголокъ Анки. Дѣвочка встрѣтила его радостно, какъ встрѣчала всегда, и пригласила поужинать съ ней вмѣстѣ, говоря, что она нарочно не ѣла, поджидая его. Гриша сѣлъ подлѣ нея и, слушая ея болтовню, самъ болтая съ ней, на нѣсколько минутъ забылъ всѣ свои невзгоды.

— Ахъ, Гриша,—вскричала вдругъ Анка,—что я тебѣ скажу, я еще утромъ хотѣла сказать, да не успѣла!

— Что такое? съ любопытствомъ спросилъ Гриша.

— Просто чудо? Сегодня ночью всѣ спали, а Колька вдругъ закричалъ. Я укачала его, онъ заснулъ, а мнѣ все не спится; лежу, лежу, а заснуть никакъ не могу. Только вдругъ смотрю, старый дѣдъ (она указала головкой на ворчливаго старика) зажегъ свѣчку, сѣлъ на полъ, открылъ свой сундукъ и началъ оттуда вытаскивать деньги. Только онъ ихъ таскалъ такъ много, что ужасть, потомъ началъ пересчитывать, считалъ, считалъ и все смотритъ по сторонамъ, не проснулся ли кто, а я лежу себѣ тихонечко, точно сплю; онъ сосчиталъ, опять все положилъ въ сундукъ, перекрестился, легъ въ постель и задулъ свѣчку! Правда, вѣдь чудо? такой онъ бѣдный, не богаче насъ, и вдругъ столько денегъ!

— А ты это не во снѣ видѣла, Анка?—спросилъ Гриша.

— Ну вотъ! во снѣ!—обидѣлась дѣвочка,—когда же я тебѣ говорю, что я не спала!

— Разсказъ Анки произвелъ сильное впечатлѣніе на Гришу. Весь остальной вечеръ онъ былъ молчаливъ и рано легъ спать. Но въ эту ночь онъ спалъ мало. Мысль о старикѣ и его деньгахъ не давала ему покою.

— Такъ много денегъ, а живетъ, какъ мы,—не всякій день обѣдаетъ,—разсуждалъ мальчикъ,—зачѣмъ же ему его богатство? И какой онъ старый, ужъ онъ должно быть скоро умретъ! Ахъ! если бы онъ мнѣ подарилъ свои деньги! Какъ бы я славно за-

жилъ! И вотъ передъ мальчикомъ начали рисоваться картины той славной жизни, какую онъ повелъ бы съ деньгами старика. Онъ наймётъ себѣ такую квартиру, какъ у Гурьевыхъ; Анка будетъ жить съ нимъ и носить такія же красивыя платья, какъ носитъ Анна Федоровна; а онъ непремѣнно купитъ себѣ такую же шубу, какъ у Петра Степановича; и онъ будетъ ѣздить въ гости къ Петѣ и играть со всѣми его игрушками, и купить себѣ такихъ же игрушекъ и Анкѣ также; Анкѣ онъ будетъ покупать все, что она захочетъ, и себѣ также.... и онъ мечталъ, мечталъ, пока желаніе его пріобрѣсти деньги старика не дошло до того, что онъ хотѣлъ уже вскочить и разбудить его просьбою:

— Дѣдушка, отдай мнѣ твои деньги, вѣдь ты, все равно, скоро умрешь.

Къ счастію, онъ во время одумался и сообразилъ, что въ отвѣтъ на подобную просьбу отъ сердитаго старика нельзя ничего получить, кромѣ брани. Онъ закрылъ глаза и постарался заснуть, но и во снѣ ему все мерещились деньги и деньги.

Онъ ничего не сказалъ своимъ товарищамъ о старикѣ, но всѣ они замѣтили на слѣдующій день, что онъ былъ необыкновенно разсѣянъ и задумчивъ; даже прося милостыню, онъ по прежнему говорилъ только: «Подайте, Христа ради», не прибавляя къ этому никакихъ исторій.

Вечеромъ онъ опять заставилъ Анну повторить ея разсказъ и побожиться, что она дѣйствительно видѣла много денегъ у старика. Бѣдная дѣвочка разсказывала и божилась и никакъ не могла понять, что такое сдѣлалось съ Гришей, отчего онъ такой скучный и отчего онъ такъ сердито распрашиваетъ ее. Впрочемъ, ей неохота была много думать объ этомъ, у нея было свое горе: на другой день почти всѣ жильцы Анисьиной комнаты собирались съ утра идти на похороны и на поминки какого-то своего знакомаго. Анка никогда не видала похоронъ и не бывала на поминальныхъ обѣдахъ; она просила, чтобы и ее взяли туда, но у нея не было башмаковъ, да и та кацавеечка, которую она носила вмѣсто верхняго платья, ходя съ отцомъ, совсѣмъ развалилась.

— Куда ты босикомъ да безъ теплой одежи потащишься такую даль,—сказала ей Авдотья,—сиди себѣ, знай, дома.

Дѣвочка понимала, что Авдотья права, но ей все-таки было

очень, очень грустно и она заснула вся въ слезахъ. Гриша зналъ причину ея слезъ, и по прежнему неотступно стала преслѣдовать его мысль о томъ, какъ хорошо бы имѣть деньги старика и не нуждаться ни въ хорошей обуви, ни въ тепломъ платьѣ. На другое утро Гриша не спѣшилъ уйти изъ дома. Никто не обращалъ на это вниманія, всѣ были заняты своими дѣлами: спѣшили, кто на работу, кто на похороны. Жильцы, занявшіе уголъ шарманщика, вели туда даже своихъ маленькихъ дѣтей. Одинъ старикъ покрякивалъ, сидя у себя на постели, да Анка печально смотрѣла на сборы женщинъ, держа на рукахъ Кольку.

— Дѣдушка, а ты развѣ не пойдешь?—обратилась Анисья къ старику.

— Куда мнѣ,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ,—не дойду.

— Полно, дѣдушка, отчего не дойти,—подхватила Матрена,—мы вѣдь не скоро пойдемъ, а тебя же такъ звали, они обидятся, коли ты не придешь!

— И впрямь, развѣ пойти,—сказалъ старикъ, всталъ съ постели, охая, натянулъ на себя полушубокъ, надѣлъ шапку и пошелъ, ковыляя и кряхтя, за остальными, которые уже выходили изъ двери.

Дѣти остались одни. Маленькій Колька подсѣлъ къ корзинѣ съ угольями и принялся вытаскивать изъ нея по уголечку, раскладывая ихъ на полъ; Анка опять принялась плакать; Гриша, молча, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается, лицо его горѣло, сердце сильно билось.

Онъ подошелъ къ Аннѣ.

— Послушай, Анка,—сказалъ онъ ей такимъ страннымъ голосомъ, что дѣвочка съ удивленіемъ подняла на него свои заплаканные глаза,—хочешь, у тебя будетъ много денегъ и много всякихъ хорошихъ вещей?

Анка продолжала съ недоумѣніемъ смотрѣть на него.

— Ну, скажи-же, хочешь, хочешь?—допрашивалъ Гриша, схвативъ ее за руку.

— Конечно, хочу,—отвѣчала она,—да откуда же?

Онъ сѣлъ подлѣ нея.

— Ты видѣла, что у старика много денегъ, вонъ въ этомъ сундукѣ,—заговорилъ Гриша торопливымъ голосомъ, теперь ни-

кого здѣсь нѣтъ... никто насъ не увидитъ... возьмемъ эти деньги себѣ.

— Ахъ, Гриша, что ты выдумалъ!—вскричала Анка,—да вѣдь старикъ же вернется и узнаетъ, что деньги у насъ, и отниметъ, ахъ, да еще прибьетъ!

— Нѣтъ, мы вотъ какъ сдѣлаемъ,—пояснилъ мальчикъ, видимо, уже все обдумавшій,—мы возьмемъ деньги, и сейчасъ уйдемъ отсюда, пойдемъ на машину, возьмемъ себѣ билетъ и уѣдемъ въ другой городъ, машина вѣдь ѣдетъ скоро; когда старикъ начнетъ искать свои деньги, мы будемъ уже далеко, и насъ никто не найдетъ.

Анка задумалась.

— Нѣтъ, Гриша, это страшно,—сказала она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да чего же страшно?—уговаривалъ Гриша,—вѣдь ты подумай, какъ хорошо-то будетъ! Не буду я ходить побираться, у тебя будетъ и платье, и шуба, и башмаки, и все, все, что тебѣ нужно! Какъ мы славно заживемъ.

И вотъ онъ принялся расписывать ей всѣ тѣ картины хорошей жизни, которыя такъ привлекали его самого.

Дѣвочка слушала молча; слезы на глазахъ ея обсохли, на блѣдныхъ щечкахъ ея выступилъ румянецъ, она полуоткрыла ротикъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за каждымъ словомъ своего пріятеля.

— Ахъ, какъ хорошо бы все это,—вздохнула она, когда онъ кончилъ.

— А если хорошо, такъ давай, сдѣлаемъ —настаивалъ Гриша,—ну, что старикъ: онъ все равно ни на что не тратитъ. А, Анка, хочешь? давай!

— Да какъ же можно, Гриша, вѣдь деньги въ сундукѣ заперты на ключъ, а ключъ старикъ всегда носитъ за пазухой.

— Это ничего, замокъ можно отпереть гвоздемъ; я видѣлъ, какъ это дѣлается; я сейчасъ сбѣгаю въ лавочку, куплю гвоздь.

Черезъ нѣсколько минутъ гвоздь былъ принесенъ, дѣти вытащили сундукъ, изъ-подъ кровати старика, и присѣли на полъ, подлѣ него. Оказалось, что отворить замокъ гвоздемъ, вовсе не такъ легко, какъ воображалъ Гриша, и ему пришлось очень долго провозиться съ этимъ дѣломъ. Анка дрожала отъ страха

при малѣйшемъ шумѣ на лѣстницѣ и все упрашивала его перестать, но Гриша рѣшился разъ, и ни за что не хотѣлъ отступать отъ своего намѣренія. Наконецъ замокъ поддался его усиліямъ и онъ поднялъ крышку сундука. Дѣти стали на колѣни и припялись съ жаднымъ нетерпѣніемъ осматривать все, что тамъ лежало. Сундукъ былъ наполненъ разнымъ тряпьемъ, лоскутками всевозможныхъ матерій, обрывками стараго мѣха, клочками ваты и шерсти, корками черстваго хлѣба, старыми пуговицами и всевозможною дрянью. На самомъ днѣ его, въ уголкѣ Гриша нащупалъ наконецъ то, что ему было нужно: нѣсколько аккуратно связанныхъ пачекъ ассигнацій. Мальчикъ вытаскивалъ ихъ дрожащими руками и бросалъ Анкѣ.

— Бери, прячь скорѣй!—говорилъ онъ ей задыхающимся голосомъ.

Всѣ деньги были выбраны. Дѣти попрятали ихъ въ карманы и стояли нѣсколько минутъ другъ противъ друга, сами не зная, что дѣлать. Анка опомнилась первая.

— Ну, уйдемъ же скорѣй, Гриша, какъ ты говорилъ,—шопотомъ произнесла она, точно боялась, что кто-нибудь услышитъ ее,—уйдемъ отсюда, пока никого нѣтъ.

Гриша надѣлъ на себя свою старую кацавейку, Анка накинула на голову большой изодранный платокъ, они взялись за руку и, не обращая вниманія на крики Кольки, тихими, робкими шагами пошли къ дверямъ. Гриша уже протянулъ руку къ дверной скобкѣ, какъ вдругъ на лѣстницѣ раздались голоса; чья-то сильная рука рванула дверь снаружи и всѣ жильцы, отправившіеся на похороны, толпой ввалили въ комнату.

— Экія свиньи какія,—бранила кого-то Анисья,—по отцѣ поминокъ не могутъ устроить, кто же имъ безъ этого потащится на кладбище провожать покойника.

Остальные казались также очень сердитыми. Изъ словъ ихъ оказывалось, что семейство покойника не захотѣло устроивать поминальнаго обѣда и потому они вернулись съ полдороги, не проводивъ гробъ до кладбища.

Гриша и Анна прижались въ уголокъ, надѣясь, что ихъ не замѣтятъ. Не тутъ-то было. Матрена услышала плачъ своего ребенка и тотчасъ же принялась искать глазами его нерадивую няньку.

— Чего ты тамъ стоишь,—обратилась она къ дѣвочкѣ,—вѣдь ты слышишь, что ребенокъ кричитъ, что ты спишь, что-ли?

Анка тихими шагами подошла къ ребенку.

— А ты чего... начала было Анисья,—замѣтивъ Гришу, но въ эту минуту раздался какой-то, не то крикъ, не то стонъ старика, заставившій всѣхъ обратиться къ нему. Дѣти въ пошыхахъ забыли даже запереть сундукъ. Старикъ, какъ только вошелъ, тотчасъ же замѣтилъ, что онъ открытъ, и бросился смотрѣть, цѣлы ли его деньги.

— Деньги мои... украли... все украли...—повторялъ старикъ, отчаяннымъ голосомъ, стоя на колѣняхъ передъ сундукомъ, не находя своего сокровища.

— Что случилось, что съ тобой дѣдушка, что у тебя украли?—посыпались вопросы.

— Вора держите!—закричалъ вдругъ старикъ, вскакивая на ноги, и указывая костлявой рукой на Гришу, старавшагося незамѣтно пробраться къ дверямъ.

— Да ты, куда-жъ, и вправду, паренекъ,—замѣтилъ одинъ изъ жильцовъ, удерживая мальчика за руку,—тутъ, видишь, покража случилась, такъ уходить никому не слѣдъ, надо виновнаго розыскать.

— Да что у тебя старикъ украли,—спросила Анисья,—разскажи толкомъ.

— Деньги, всѣ мои денежки,—слезливо заговорилъ старикъ,—все-что я въ жизни тяжкимъ трудомъ заработалъ, все, все, злодѣи украли.

— Какъ же это? Да кто же это? Вѣдь у старика было не мало припасено.

— Постой-ка, мальчишечка, что у тебя карманъ такъ отдулся!—сказалъ, жилецъ державшій Гришу, обращаясь къ мальчику. Онъ быстро засунулъ руку въ его карманъ и вытащилъ оттуда пучекъ ассигнацій.

— Что, дѣдушка, не твои-ли?—обратился онъ къ старику.

— Мои, голубчикъ, мои,—закричалъ старикъ, дрожащими руками схватывая деньги и принимаясь считать ихъ.—Ахъ, злодѣй! ахъ, разбойникъ! да вѣдь не всѣ голубчикъ, обыщи его: еще должно быть!

Гришу обыскали и нашли у него еще двѣ пачки за-пазухой.

Мальчикъ былъ ни живъ, ни мертвъ и позволялъ дѣлать съ собой, что хотѣли.

— Да вотъ и она была съ нимъ,—указала одна жилица на Анку,—чего она плачетъ? надо и ее обыскать!

— Не ожидая обыска, дѣвочка сама подала всѣ деньги, какія были у нея спрятаны.

— Ахъ разбойники! ахъ злодѣи!—кричалъ старикъ, хватая пачки ассигнацій и грозя кулаками на дѣтей.—Старика ограбили! да васъ мало въ тюрьму, васъ надо на каторгу, на висѣлицу! Вяжите ихъ, добрые люди, вяжите ихъ, грабителей, я самъ ихъ въ часть сведу! вяжите ихъ!

Жилецъ, обыскивавшій Гришу, связалъ ему руки, самъ не зная, для чего, и подошелъ затѣмъ къ Анкѣ. Дѣвочка не плакала больше; страхъ пересилилъ у ней горе. Блѣдная, дрожащая, съ посинѣлыми губами, съ широко раскрытыми глазами, она упала на колѣни и протягивала къ старику руки съ такимъ выраженіемъ мольбы и отчаянія, что нельзя было не тронуться. Авдотьѣ стало жаль дѣвочку, она оттолкнула жильца, подходившаго съ веревкой въ рукахъ, и остановила его словами:

— Чего тамъ вязать, дуракъ, вѣдь это-жъ ребенокъ!

— Ахъ вы негодяи, ахъ вы мошенники!—кричала Анисья,—призрѣли сиротъ, дали имъ пристанище, а они вонъ на какое дѣло пустились!

И каждый изъ жильцовъ счелъ своимъ долгомъ сказать какое нибудь бранное слово, сдѣлать какой-нибудь упрекъ дѣтямъ.

— Ну, что, дѣдушка, вести ихъ?—обратился къ старику жилецъ съ веревкой.

Но старикъ уже ничего не могъ отвѣчать. Сначала испугъ, а потомъ злоба до того обезсилили его, что онъ не могъ говорить. Онъ сидѣлъ на кровати, дрожа всѣмъ тѣломъ и безсмысленно тряся головой.

— Чего тамъ вести!—вступилась Анисья—очень нужно возиться изъ-за всякой дряни, просто выгнать ихъ вонъ, да чтобы и духу ихъ здѣсь не было. Слышите вы, мазурики,—закричала она дѣтямъ,—убирайтесь вонъ отсюда, сейчасъ же!

Гриша сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ дверямъ, забывъ о своихъ связанныхъ рукахъ.

— А ты чего? и ты пошла съ нимъ вмѣстѣ! закричала Анисья на Анку.

Она схватила дѣвочку за руку и толкнула ее такъ сильно, что бѣдняжка отлетѣла прямо къ двери и стукнулась спиной объ дверь.

— Гриша, Гриша, это все изъ-за тебя! —простонала бѣдная малютка.

Все время Гриша находился въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Онъ взглянулъ на Анку и звукъ ея жалобнаго голоса, видъ ея страдальческаго личика заставилъ его вдругъ очнуться. Онъ понялъ, какъ онъ виноватъ передъ бѣдной малюткой, онъ хотѣлъ подойдти къ ней, сказать ей что-нибудь и не могъ, рыданія душили его.

За дѣвочку опять-таки вступилась Авдотья.

— Послушай, тетка Анисья, сказала она, — ты мальчишку гони, онъ, можетъ, и вправду негодяй, а дѣвочку не тронь, она у меня безъ спросу булавки никогда не взяла, ей бы самой такого баловства никогда не придумать, я ее у себя оставлю.

— Ну ты оставляешь, ты за нее и отвѣчай, сердито отвѣчала Анисья, — а ты, мальчишка, убирайся скорѣй, пока старикъ не очнулся, а то тебѣ худо будетъ,—прибавила она, обращаясь къ Гришѣ.

Мальчику развязали руки и вытолкали его за дверь.

— Смотри-же,—на прощанье прокричала ему Анисья,—не смѣй сюда носа показывать, станешь къ Анкѣ ходить и ее выгонимъ, намъ воровъ не надо.

Гриша, шатаясь, вышелъ на лѣстницу. Ему было и стыдно, и больно, ему хотѣлось и подальше убѣжать отъ всѣхъ этихъ людей и въ то же время хотѣлось чѣмъ-нибудь доказать имъ, что онъ не такой страшный разбойникъ, какъ они думаютъ; особенно сильно хотѣлось ему сказать это Анкѣ и узнать, что она о немъ думаетъ. Онъ стоялъ на лѣстницѣ и плакалъ, и если бы кто нибудь спросилъ у него въ эту минуту, о чемъ именно онъ плачетъ, онъ не съумѣлъ бы отвѣтить. Онъ чувствовалъ, что былъ не правъ и въ то-же время ему смутно представлялось, что съ нимъ поступили нехорошо, что его обидѣли.

Дверь въ комнату отворилась и на лѣстницу вышла Авдотья. Ей жаль стало мальчика. Она подошла къ нему и сказала ему

такимъ ласковымъ голосомъ, какого Гриша никогда не слыхалъ отъ этой грубой съ виду женщины:

— Полно убиваться, голубчикъ. Ну что дѣлать, случился разъ грѣхъ, ужъ ты за то теперь будь поосторожней насчетъ чужаго добра. Ты все безъ дѣла шляешься, такъ вотъ тебѣ и лѣзетъ дурь въ голову, а ты поищи себѣ работы, да трудись хорошенько; будешь хорошо себя вести, тогда приходи къ намъ, мы тебя съ честью примемъ, старое зло забудемъ.

Она погладила мальчика рукой по головѣ и пошла дальше. Ея простыя, добрыя слова благотворно подѣйствовали на Гришу. Онъ все еще плакалъ, но уже въ слезахъ его было меньше горечи и онъ могъ обдумывать свое положеніе.

— Хорошо говоритъ она,—думалось ему,—поищи работы да трудись, мы тебя съ честью примемъ. Хорошо бы придти къ нимъ такъ, чтобы они видѣли, что я не разбойникъ, чтобы Анка не говорила, что все изъ-за меня, да какъ это сдѣлать?

Мальчикъ пересталъ плакать, сошелъ съ лѣстницы и быстрыми шагами шелъ по улицѣ, раздумывая, какъ бы, и вправду, сдѣлать такъ, какъ говорила Авдотья.

Много плановъ перебиралъ онъ въ головѣ, но самъ тотчасъ же видѣлъ, что они никуда не годятся.

— Ищи работы! гдѣ я ее буду искать,—думалось ему,— всякій меня прогонитъ; тетка Анисья сама говорила, что въ такомъ платьѣ меня никто не возьметъ, да я и не знаю даже къ кому идти!

Онъ остановился и съ полной безнадежностью прислонился къ стѣнѣ дома. На улицѣ дулъ сильный вѣтеръ, онъ сметалъ только что выпавшій снѣгъ и билъ имъ въ лицо. Эта погода вдругъ напомнила Гришѣ такой же ненастный день нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ нашелъ пріютъ и ласковое слово въ лавкѣ одного добраго торговца.

— Пойду къ нему!—мелькнуло въ головѣ мальчика онъ;—хорошій, онъ, можетъ быть, скажетъ мнѣ, что дѣлать!

И Гриша чуть не бѣгомъ пустился по улицѣ.

— А если и онъ прогонитъ,—подумалось ему вдругъ и онъ остановился въ нерѣшимости.

— Ну если прогонитъ,—въ глазахъ Гриши засверкало недоброе выраженіе,—я и вправду сдѣлаюсь такимъ, какъ они гово-

рятъ, пусть называютъ воромъ, разбойникомъ, мнѣ все равно... Ѳедька правду сказалъ, что лучше сидѣть въ тюрьмѣ, чѣмъ такъ жить, какъ мы, ну и пусть посадятъ. А прежде все-же попробовать сходить къ доброму старику!

И мальчикъ скорыми шагами пошелъ къ той лавкѣ, гдѣ разъ онъ нашелъ привѣтливый пріемъ.

Сильно билось сердце Гриши въ то время, какъ онъ подходилъ къ цѣли своего пути. Хотя прошло 8 мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ въ лавкѣ добраго старика, но онъ безъ труда нашелъ ее. Онъ несмѣлою рукою отворилъ дверь и остановился на порогѣ. Въ лавкѣ были покупатели, и на его появленіе никто не обратилъ вниманія. Но вотъ покупатели ушли, старикъ остался одинъ; онъ увидѣлъ мальчика, принялъ его за нищаго, и всталъ съ мѣста, чтобы подать ему копѣйку. Гриша подошелъ ближе.

— Дѣдушка,—заговорилъ онъ робкимъ голосомъ,—ты мнѣ весной говорилъ, чтобы я пришелъ къ тебѣ, что ты поищешь мнѣ работы, вотъ я и пришелъ.

— Что, знать, плохо пришлось?—спросилъ старикъ, окидывая взглядомъ мальчика.—Какую же работу мнѣ тебѣ найти, теперь, пока никакой не знаю, можетъ, послѣ когда-нибудь.

— Нѣтъ, дѣдушка, мнѣ нужно теперь,—сказалъ Гриша рѣшительнѣе.—Дѣдушка—прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ,—не гони меня, мнѣ некуда дѣться!

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да что же мнѣ то съ тобою дѣлать?—спросилъ онъ и потомъ прибавилъ какъ будто про себя: Я хотѣлъ, правда, взять себѣ въ помощь мальчика, только не такого; и мнѣ порекомендуютъ добрые люди.

— Дѣдушка, возьми меня!—вскричалъ Гриша, я буду тебѣ помогать, я буду все дѣлать, что ты велишь!

— Экій ты какой странный! Какъ же я тебя такъ съ улицы возьму; не знаю даже кто ты такой, гдѣ это видано?

Гриша печально опустилъ голову.

— Значитъ и никто меня не возьметъ, значитъ, мнѣ и всегда на улицѣ жить!—проговорилъ онъ и повернулъ къ дверямъ, чтобы выйти вонъ. Старику стало жаль мальчика.

— Постой, остановилъ онъ его,—да неужели тебѣ и вправду некуда дѣться, нѣтъ у тебя ни родныхъ, ни знакомыхъ?

— Никого у меня нѣтъ!

— Экое дѣло какое!—задумчиво сказалъ старикъ,—и мнѣ то тебя взять не приходится; у тебя и одеженки нѣтъ порядочной, какъ мнѣ тебя такимъ оборванцемъ въ лавкѣ держать, не хорошо. Да ты впрочемъ не уходи, посиди тутъ, сейчасъ придетъ моя старуха, можетъ она, что-нибудь придумаетъ.

Гриша сѣлъ на низенькую скамеечку, въ глубинѣ лавки; онъ былъ радъ, что его хоть не сразу прогнали. Черезъ какіе нибудь полчаса раздался стукъ въ дверь маленькой комнатки, находившейся позади лавки, старикъ пошелъ отворять и повелъ съ собою мальчика. Въ комнату вошла низенькая, худенькая старушка, въ черной шубкѣ на мѣху, повязанная большимъ сѣрымъ байковымъ платкомъ.

— Вотъ, батюшка Семенъ Ивановичъ, твой обѣдъ, кушай на здоровье, обратилась она къ старику, развязывая узелъ, который принесла и въ которомъ оказались судки съ кушаньемъ.

— Кушать то я буду,—отвѣчалъ старикъ,—только ты прежде послушай, какое дѣло у насъ вышло. Вотъ пришелъ мальчишечка, такъ съ улицы, говоритъ, сирота и родныхъ никого нѣтъ, проситъ работы дать, обѣщаетъ служить хорошо, что ты на это скажешь?

Старушка оглядѣла Гришу внимательнымъ, ласковымъ взглядомъ.

— Сиротинка?—переспросила она и, не ожидая отвѣта, прибавила: оно и видно, по этакой стужѣ босикомъ бѣгаетъ, въ дырявой одеженкѣ, ахъ, ты горемыка, горемыка!

— Хочетъ онъ ко мнѣ въ лавку въ помощники,—продолжалъ Степанъ Ивановичъ, да какже я его въ такой одеждѣ возьму, да и безъ всякой рекомендаціи.

— Ну, что одежа, возразила старуха,—одежу справить можно, а рекомендація на что тебѣ; худъ окажется, ты самъ увидишь, тогда и отпустить можешь.

— Такъ ты думаешь, взять его?

— А чего же и не сдѣлать добраго дѣла, не пріютить сироту безроднаго, намъ за то Господь воздастъ.

— Ну, будь по твоему, только одежу, смотри, справь ему.

— Одежа что! я сейчасъ схожу къ племянницѣ, къ Машенькѣ, у нея сыночекъ одного съ нимъ роста, такъ можетъ и найдется что старенькое.

— Слышишь, мальчикъ?— обратился старикъ къ Гришѣ, съ волненіемъ слѣдившему за всѣмъ этимъ разговоромъ,— старуха моя и одѣнетъ и пріютитъ тебя, и работу я тебѣ дамъ; только смотри, у меня не баловаться: мнѣ съ ребятами возиться, да ребятъ учить не подъ силу; коли замѣчу что худое, безъ дальнихъ разговоровъ, и вонъ!

— Я буду хорошо работать, дяденька,—радостно проговорилъ, Гриша.

— А теперь садитесь, кушайте,—ласково сказала старуха, обѣда хватитъ на двоихъ, а я пока въ лавкѣ постою.

Старикъ пригласилъ Гришу сѣсть за столъ, рядомъ съ собой, и раздѣлить свой обѣдъ, состоявшій изъ очень вкусныхъ щей со сметаной и изъ пирога съ кашей. Можно себѣ представить, съ какимъ аппетитомъ ѣлъ мальчикъ, давно не видавшій порядочной пищи! Послѣ обѣда старуха ушла доставать ему одежду и часа черезъ два вернулась со старенькимъ, но еще очень порядочнымъ платьемъ. Она сама одѣла Гришу, сама дала ему воды умыться, сама причесала и подстригла ему волосы. Бѣдный мальчикъ, не привыкшій къ такой заботливости, страшно конфузился и въ то же время чувствовалъ себя какъ-то необыкновенно хорошо. Когда онъ былъ одѣтъ и причесанъ, какъ слѣдуетъ, Семенъ Ивановичъ позвалъ его въ лавку и сталъ учить его тому, что необходимо знать всякому продавцу. Онъ объяснилъ ему употребленіе вѣсовъ и аршина; показалъ, гдѣ поставлены разныя вещи, которыя могутъ потребовать покупатели; заставлялъ его запоминать цѣну этихъ вещей. Старикъ говорилъ ясно и толково, не сердился, когда приходилось нѣсколько разъ повторять одно и то же, а Гриша съ своей стороны охотно слушалъ его и старался быть какъ можно внимательнѣе, чтобы угодить своему новому хозяину. Такимъ образомъ и учитель, и ученикъ остались довольны другъ другомъ. Въ десять часовъ Семенъ Ивановичъ закрылъ лавку и повелъ Гришу къ себѣ домой. Онъ жилъ въ той же улицѣ, въ которой помѣщался и его магазинъ, въ маленькой квартирѣ, состоявшей изъ двухъ комнатъ и кухни. Прислуги у него не было, жена его,—та добрая старушка, которую мы уже видѣли,—сама готовила кушанья и убирала всѣ комнаты. Она же отворила дверь вошедшимъ и съ привѣтливой улыбкой ввела ихъ въ кухню, гдѣ уже былъ приготовленъ для нихъ ужинъ. Необыкновенно пріятно

было съ холоду войти въ эту кухню, убранную съ полнѣйшей чистотой и опрятностью. Мѣдная посуда, разставленная на полкахъ, блестѣла, полъ и столы были такъ чисты, какъ бываютъ не во всѣхъ гостиныхъ. Сама хозяйка въ своемъ темномъ ситцевомъ платьѣ и шелковомъ платочкѣ на головѣ казалась олицетвореніемъ порядка и добродушія. Гриша стоялъ въ дверяхъ и съ удивленіемъ оглядывался кругомъ; ему казалось, что онъ видитъ какой то хорошій, пріятный сонъ. Между тѣмъ Семенъ Ивановичъ снялъ шубу и шапку, нѣсколько разъ набожно перекрестился передъ образомъ, висѣвшимъ въ углу, и приготовился садиться за ужинъ.

— А ты что жъ, обратился онъ къ Гришѣ,—иди же, братъ, сюда, садись, ѣшь съ нами.

— Иди, иди голубчикъ,—подхватила Ирина Савишна, такъ звали старушку,—покушай, чего Богъ послалъ!

Гриша робко подошелъ къ столу и несмѣло принялся за ѣду. Мало по малу онъ однако ободрился. Солонина съ варенымъ картофелемъ, поданная Ириной Савишной на ужинъ, показалась ему такою вкусною, а добродушная хозяйка такъ усердно подкладывала хорошіе кусочки на его тарелку, что онъ мало по малу оправился и сталъ смѣлѣе посматривать кругомъ и отвѣчать на разные вопросы старичковъ. Ирина Савишна понемножку и осторожно выспрашивала его о его прошлой жизни. Сначала онъ давалъ короткіе односложные отвѣты, но она съ такимъ сочувствіемъ выслушивала ихъ, такъ добродушно интересовалась всякою мелочною подробностью, что онъ подъ конецъ разговорился и разсказалъ всю свою жизнь. Ирина Савишна слушала внимательно, безпрестанно прерывая разскащика какими нибудь замѣчаніями или восклицаніями. Когда онъ разсказалъ, какъ разсердились на него Гурьевы и какъ прогнали его вонъ , она пришла въ негодованіе: «Экіе люди какіе недобрые,—сказала она, неодобрительно качая своею маленькою головкой,—на ребенка такъ накинуться! чѣмъ бы разузнать въ чемъ дѣло, да научить глупаго уму разуму, они, сейчасъ, вонъ, да и дѣлу конецъ». Когда Гриша дошелъ до времени своего нищенства, она нѣсколько разъ тяжело вздыхала и называла его: «сиротинкой, горемыкой» и т. п.; сцену воровства она слушала особенно внимательно и когда узнала, какъ гнѣвался старикъ на дѣтей, даже привскочила отъ волненія.

— Въ тюрьму, въ каторгу—дѣтей то?—воскликнула она.—Ахъ

онъ старый грѣховодникъ! того не разумѣетъ, что ребенокъ можетъ по глупости дурное дѣло сдѣлать, а онъ ишь какъ, на весь вѣкъ губить человѣка!

Семенъ Ивановичъ иначе взглянулъ на дѣло.

— Глупо ты судишь, старуха,—замѣтилъ онъ суровымъ голосомъ,—дѣти дѣтьми, а вишь что задумали! Старикъ-то можетъ по копѣечкѣ во всю жизнь деньги эти копилъ, а они обобрали бы его, да по міру бы пустили на старости лѣтъ! Нѣтъ, Гриша, это было дурное, страшное дѣло!—обратился онъ къ мальчику.

Гриша опустилъ голову. Въ первый разъ почувствовалъ онъ, что поступилъ дурно, и ему какъ-то стыдно стало поднять глаза на добрыхъ людей, пріютившихъ его. Но Ирина Савишна вступилась за него. Она никогда не разбирала, хорошо или дурно поступалъ человѣкъ, если онъ былъ несчастенъ, а Гриша казался ей очень и очень несчастнымъ. Она подошла къ нему, положила свою морщинистую руку на его голову и тихимъ, нѣжнымъ голосомъ проговорила:

— Бѣдное ты, дитятко, безродное! всякій-то тебя осудитъ да попрекнетъ, а пожалѣть да приласкать некому!—и слезы дрожали на рѣсницахъ доброй женщины. Въ первый разъ въ жизни слышалъ Гриша такія слова. Ему вдругъ стало невыразимо жаль самаго себя, онъ опустилъ голову на столъ и тихо заплакалъ....

Съ этихъ поръ для Гриши началась новая жизнь. Добрые старички приняли его въ свой домъ не какъ слугу, а какъ члена семьи. Онъ проводилъ цѣлые дни въ лавкѣ со своимъ хозяиномъ и по-немножку пріучился торговать. Ему было пріятно доставать по порученію Семена Ивановича тотъ или другой товаръ, отмѣривать или отвѣшивать покупателямъ, то что они требовали, отсчитывать имъ сдачу; онъ чувствовалъ даже нѣкоторую гордость, когда въ лавку входило за разъ нѣсколько покупателей, и онъ могъ, пока хозяинъ занимался съ одними изъ нихъ, показывать и продавать товаръ другимъ. Когда въ лавкѣ не было посторонихъ, Семенъ Ивановичъ обыкновенно принимался что-нибудь разсказывать ему и Гриша очень любилъ эти разсказы. Старикъ былъ человѣкъ необразованный, полуграмотный; но онъ былъ очень не глупъ отъ природы, многое видалъ, слыхалъ и передумалъ на своемъ вѣку. Онъ съумѣлъ разсказать какъ, кѣмъ и изъ чего приготовляются почти всѣ вещи, какія находились въ лавкѣ,

онъ зналъ, какъ и чѣмъ живутъ разные люди и въ деревняхъ, и въ городахъ. Гриша не уставалъ распрашивать и слушать его и въ этихъ разговорахъ незамѣтно проходило время. Вечеромъ, вся семья ужинала вмѣстѣ. За ужиномъ Семенъ Ивановичъ и Ирина Савишна вели тихіе и степенные разговоры и часто Гриша, вдоволь накушавшись простыхъ, но сытныхъ блюдъ, дремалъ подъ мѣрные звуки ихъ старческихъ голосовъ. Замѣтивъ это, они уходили въ свою спальню и ласково говорили Гришѣ, чтобы онъ ложился спать. Спалъ онъ въ кухнѣ на полу, на хорошемъ матрацѣ, подаренномъ ему хозяевами, и какъ то необыкновенно мирно и хорошо спалось ему. Утромъ, передъ уходомъ въ лавку, онъ помогалъ Иринѣ Савишнѣ убирать комнаты, а иногда ходилъ съ ней вмѣстѣ на рынокъ за провизіей. По дорогѣ, если имъ встрѣчался какой нибудь нищій, старушка непремѣнно подавала ему мѣдную монету; если нищій при этомъ жаловался на какое нибудь несчастіе, она останавливалась, распрашивала его, жалѣла о его горѣ, иногда давала ему какой нибудь совѣтъ, а иногда прибавляла нѣсколько денегъ къ своей обыкновенной подачкѣ.

— Ахъ Гришута, Гришута, сказала она разъ мальчику, отходя съ нимъ вмѣстѣ отъ одного изъ такихъ нищихъ, и зачѣмъ ты говорилъ мнѣ, какъ ты и другіе обманывали добрыхъ людей! Бывало я подаю милостыню, да радуюсь, думаю: бѣднаго человѣка изъ бѣды вывела, а теперь все какъ-то сомнѣніе беретъ, не обманщикъ ли какой!

Гриша опустилъ голову. Ему стало стыдно и грустно вспоминать о своихъ дурныхъ поступкахъ.

— Я тогда не зналъ, — проговорилъ онъ смущеннымъ голосомъ.

— Извѣстно дѣло, не зналъ! подхватила Ирина Савишна, я вѣдь и не виню тебя, голубчикъ.

Гриша очень скоро привыкъ къ своимъ новымъ хозяевамъ. Семена Ивановича онъ немного боялся, хотя тотъ никогда не билъ и не бранилъ его; но у старика былъ такой важный, серьезный видъ, что мальчику какъ-то неловко было при немъ шалить или болтать все, что приходило на умъ. Но передъ Ириной Савишной онъ не стѣснялся. Онъ зналъ, что ко всякому его поступку, ко всякому слову она отнесется ласково и снисходительно, и потому охотнѣе повѣрялъ ей всѣ свои мысли и чувства.

Особенно длинныя бесѣды велись у нихъ по воскресеньямъ и по праздникамъ. Въ эти дни лавка Семена Ивановича обыкновенно была заперта и самъ онъ любилъ соснуть часокъ-другой, послѣ обѣда. Ирина Савишна и Гриша усаживались на это время въ гостиной и говорили шопотомъ, чтобы не разбудить старика. На дворѣ смеркалось и темнѣло, комната освѣщалась только лампадкой, горѣвшей передъ большимъ образомъ Спасителя, все было тихо кругомъ и Гришѣ становилось какъ то странно на душѣ отъ этой тишины, но ему не хотѣлось прерывать ее. Просыпался наконецъ Семенъ Ивановичъ. Выспавшись вдоволь, онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Въ комнату вносили свѣчи и какое нибудь дешевое лакомство въ родѣ орѣховъ или пастилы. Ирина Савишна предлагала поиграть въ картишки. На столѣ появлялась засаленная колода картъ и двое стариковъ вмѣстѣ съ мальчикомъ начинали играть въ дурачки, въ свои козыри, въ пьяницы и другія не замысловатыя игры. Веселыя шутки и смѣхъ раздавались въ комнатѣ. Гриша шутилъ, хохоталъ, дурачился и веселость его не только не сердила стариковъ, а напротивъ нравилось имъ.

Иногда въ праздничное утро Семенъ Ивановичъ говорилъ мальчику:

— Тебѣ, можетъ, скучно сидѣть все съ нами, стариками, сходи, погуляй, поиграй на улицѣ съ ребятами!

Въ первый разъ услышавъ это позволенье, Гриша обрадовался ему, но потомъ его взяло раздумье:

— Идти на улицу, — подумалъ онъ, — а какъ тамъ встрѣтишь кого изъ прежнихъ знакомыхъ, признаютъ, уведутъ съ собой, да пожалуй, научатъ сдѣлать что-нибудь такое, что Семенъ Ивановичъ опять скажетъ: дурное и страшное дѣло! Нѣтъ, ужь лучше безъ грѣха сидѣть дома. Правда, съ ребятами-то не худо-бы поиграть; ну, да ужь ничего, лучше дома посижу! Вонъ тогда, какъ я милостыню просилъ, я и не думалъ, что худо прилгнуть, чтобы дали побольше, а вышло худо; опять, пожалуй, этакое же что-нибудь сдѣлается! нѣтъ, ужь лучше не ходить!

И онъ не ходилъ, а помогалъ Иринѣ Савишнѣ стряпать на кухнѣ или что-нибудь стругалъ и клеилъ, сидя въ уголкѣ. Въ одно только мѣсто Гришѣ очень хотѣлось сходить: въ Гончарную,

къ своимъ старымъ знакомымъ, особенно къ Анкѣ. Онъ разсказалъ объ этомъ желаніи Иринѣ Савишнѣ.

— Сходить-то можно, отчего не сходить, — отвѣчала она ему, — только знаешь что, голубчикъ, тебя тамъ бранили, тебя оттуда выгнали, ты теперь придешь, скажешь: на мѣстѣ живу; а они скажутъ: эка невидаль, безъ году недѣлю прожилъ, да и хвастаетъ, можетъ тебя хозяева хорошимъ считаютъ, потому-что еще не знаютъ, а что-то будетъ, какъ узнаютъ! Ну, что ты имъ отвѣтишь на такія слова?

Гриша не зналъ, что отвѣтить.

— Пожалуй, еще опять выгонятъ, — подумалъ онъ, — нѣтъ, ужь лучше пойду послѣ, какъ поживу подольше, да и Семена Ивановича попрошу тогда написать имъ, что онъ мною доволенъ, а то пожалуй не повѣрятъ!

Недѣля проходила за недѣлей, уже минуло и Рождество. Гриша вспомнилъ, какъ печально провелъ онъ его въ прошедшемъ году и вдвое пріятнѣе показалась ему настоящая спокойная жизнь.

— Хорошо-бы сходить къ Анкѣ, посмотрѣть, какъ-то она праздникъ встрѣчаетъ, думалъ мальчикъ, возвращаясь со старикомъ изъ лавки домой и заглядывая въ окна домовъ, гдѣ уже зажигались елки. Но, нѣтъ, онъ рѣшилъ не ходить туда, пока Семенъ Ивановичъ не дастъ ему свидѣтельства въ томъ, что онъ хорошо себя ведетъ. А какъ достать это свидѣтельство? Онъ не зналъ даже, доволенъ ли имъ хозяинъ. Спрашивать ему было какъ-то неловко, а Семенъ Ивановичъ самъ никогда не хвалилъ. Такъ и праздники прошли, а онъ не ходилъ къ своимъ знакомымъ и ничего не зналъ о нихъ. Между тѣмъ, онъ попривыкъ въ лавкѣ до того, что сдѣлался очень порядочнымъ продавцемъ. Онъ зналъ цѣну всѣхъ товаровъ, зналъ сколько можно запросить за вещь и за сколько неубыточно будетъ уступить ее. Семенъ Ивановичъ могъ безъ страха отлучаться изъ магазина на нѣсколько часовъ, безъ него торговля шла такъ же хорошо, какъ при немъ. Оставаясь одинъ въ магазинѣ, Гриша былъ особенно любезенъ и предупредителенъ съ покупателями. Онъ чувствовалъ даже какую-то гордость при мысли, что можетъ распоряжаться въ лавкѣ, точно хозяинъ; и необыкновенно пріятно ему было, если по возвращеніи хозяина онъ могъ похвастать ему выгодно проданнымъ товаромъ и сдать вырученныя деньги.

Въ одинъ зимній день Семенъ Ивановичъ отлучился куда-то по дѣлу и Гриша остался одинъ въ лавкѣ. Покупателей не было, и мальчикъ уже начиналъ скучать, какъ вдругъ дверь магазина отворилась и въ нее вбѣжала, смѣясь и болтая, цѣлая толпа молоденькихъ дѣвушекъ, должно быть ученицъ гимназіи, возвращавшихся домой. Одной нужна была тетрадка, другой карандашъ, третьей дюжина пуговокъ. Онѣ суетились, вытаскивали изъ кармана деньги и показывали ихъ другъ другу, перебирали множество вещей, имъ вовсе не нужныхъ, а на нужныя едва посмотрѣли. Одна чуть не забыла взять сдачу, другая хотѣла уйти не расплатившись, однимъ словомъ, Гриша едва успѣлъ справиться съ этой веселой компаніей и вздохнулъ свободнѣе, когда она все съ тѣмъ же смѣхомъ вышла изъ магазина. Затворивъ за дѣвочками дверь, онъ возвращался за прилавокъ, какъ вдругъ увидѣлъ на полу красненькую десяти-рублевую бумажку.

— Это вѣрно барышни обронили, — подумалъ онъ и отложилъ бумажку въ сторону.

Черезъ нѣсколько времени возвратился Семенъ Ивановичъ. Гриша сдалъ ему всѣ полученныя въ его отсутствіи деньги, разсказалъ о веселыхъ покупательницахъ и показалъ потерянную ими бумажку.

— Ишь, вѣтряныя головы! — замѣтилъ старикъ, — надо спрятать бумажку, можетъ искать будутъ!

Часа черезъ два въ лавку дѣйствительно вошла дѣвочка лѣтъ 13-ти, съ испуганнымъ, встревоженнымъ лицомъ.

— Я здѣсь покупала сегодня пуговки, — заговорила она торопливо, обращаясь къ старику, — не нашли-ли вы десяти-рублевой бумажки?

— Что вы, барышня, — усмѣхнулся Семенъ Ивановичъ, — гдѣ ее найдешь, развѣ такія деньги валяются на полу.

— Да я ее потеряла, — жалобно произнесла дѣвочка, — не знаю, можетъ здѣсь, можетъ на улицѣ, папаша меня бранилъ...

На глазахъ ея навернулись слезы и личико ея приняло такое жалостное выраженіе, что Гришѣ досадно стало, зачѣмъ Семенъ Ивановичъ мучитъ ее, не отдастъ ей сразу денегъ. Но старикъ и самъ сжалился надъ маленькой вѣтренницей.

— Ну ужь, барышня, такъ и быть, утѣшу васъ, сказалъ онъ, улыбаясь, — вы деньги обронили точно у насъ, и нашелъ ихъ мой молодецъ... на, отдай барышнѣ — обратился онъ къ Гришѣ.

Гриша подалъ дѣвочкѣ бумажку. Она даже покраснѣла отъ радости и смутилась до того, что сдѣлала Гришѣ книксенъ. Гриша не могъ удержаться отъ улыбки. Это еще больше смутило дѣвочку; она покраснѣла сильнѣе прежняго и быстро выбѣжала вонъ изъ лавки; на порогѣ она опомнилась, повернула къ Гришѣ сіяющее веселостью личико, быстро проговорила: «благодарю, очень благодарю!» и скрылась изъ виду.

— Ишь, какъ обрадовалась, — замѣтилъ, улыбаясь, Семенъ Ивановичъ, — даже книксенъ тебѣ сдѣлала.

Гриша расхохотался; ему смѣшно было вспомнить смущеніе дѣвочки и въ то-же время пріятно было, что онъ оказалъ ей услугу и избавилъ ее отъ непріятности.

Въ тотъ же вечеръ мальчику что-то не поспалось. Онъ лежалъ на своей постелькѣ и раздумывалъ о томъ и другомъ, вдругъ онъ услышалъ, что, разговаривая въ спальной съ Ириной Савишной, Иванъ Семеновичъ произноситъ его имя. Дверь изъ кухни въ спальню была не плотно затворена и мальчикъ безъ труда могъ слышать все, что о немъ говорили.

— Да, сегодня я увидѣлъ, что онъ честный мальчикъ, — говорилъ Семенъ Ивановичъ, — что ему стоило десятирублевку-то сунуть себѣ въ карманъ, да и отпереться потомъ, что нашелъ ее. А онъ, нѣтъ, сейчасъ мнѣ отдалъ! Теперь ужь я не побоюсь ему и свое добро довѣрить; если онъ не захотѣлъ попользоваться деньгами перваго встрѣчнаго, такъ ужь у него не поднимется рука насъ ограбить.

— Слава тебѣ, Господи! — съ чувствомъ отвѣтила Ирина Савишна, — не даромъ у меня съ перваго дня сердце къ нему лежало, я сразу увидѣла, что онъ честный, хорошій мальчикъ!

— Ну, по твоему-то всякій честный и добрый, у тебя вѣдь мошенниковъ нѣтъ, сшутилъ Семенъ Ивановичъ.

Гриша не слушалъ дальше. Сердце его радостно забилось. Его считаютъ хорошимъ, честнымъ, говорятъ, что ему не страшно довѣрять. Какая радость! А давно ли его гнали, какъ обманщика, какъ вора! И какъ это странно! Тогда у Гурьевыхъ онъ совсѣмъ не думалъ дѣлать дурнаго дѣла, всявъ деньги, которыя нашелъ въ сору и которыя были такъ нужны ему; сегодня онъ точно также не думалъ сдѣлать ничего хорошаго, у него было все,

что нужно, ему и въ голову не пришло взять чужія деньги, а между тѣмъ, его хвалятъ, его считаютъ честнымъ.

— Этакъ, значитъ, думалось мальчику, — не узнаешь другой разъ: худо-ли, хорошо-ли поступилъ. Слава-Богу, что нынче-то хоть вышло хорошо; эхъ, кабы всегда такъ!

Въ первый разъ въ жизни слышалъ онъ себѣ похвалы и въ немъ пробудилось сильное желаніе почаще заслуживать ихъ. Онъ все еще имѣлъ очень смутное понятіе о томъ, что худо, что хорошо, онъ зналъ только, что худо брать чужое и рѣшился остерегаться этого; еще казалось ему хорошо быть ко всякому такимъ добрымъ, какъ Ирина Савишна, но онъ не былъ увѣренъ, можетъ ли онъ въ этомъ подражать ей.

— Она женщина, да и старушка, — думалось ему, — ей можно быть такой, а мнѣ какже, я вѣдь мальчикъ, мнѣ кто зло сдѣлаетъ или что обидное скажетъ, такъ подраться хочется, а она не дерется.

Съ пріятными мыслями заснулъ въ эту ночь Гриша, съ пріятными и проснулся онъ на слѣдующее утро, рѣшившись въ тотъ же день спросить у Семена Ивановича, доволенъ-ли онъ имъ и согласенъ-ли написать на бумагѣ, что доволенъ.

Выбравъ такую минуту, когда въ лавкѣ не было покупателей, онъ обратился къ хозяину и нѣсколько робкимъ голосомъ сказалъ:

— Семенъ Ивановичъ, вотъ ужь пятый мѣсяцъ я у васъ живу, хотѣлъ бы я знать, какъ вы находите, пріобыкъ ли я къ дѣлу... то-есть такъ вообще... онъ замялся и не зналъ, какъ продолжать.

Семенъ Ивановичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ты къ дѣлу пріобыкъ, — отвѣчалъ онъ своимъ обыкновеннымъ серьезнымъ тихимъ голосомъ, — ты мальчикъ шустрый, и дурнаго я въ тебѣ ничего не замѣчалъ, одного тебѣ не хватаетъ, — былъ-бы торговецъ, какъ слѣдуетъ.

— Чего, дѣдушка? — съ нетерпѣніемъ спросилъ Гриша.

— Грамотѣ ты не знаешь, вотъ бѣда, — сказалъ старикъ, — безъ грамоты нашего дѣла вести нельзя: ты ни товара записать не можешь, ни счета свести.

Эти слова старика возбудили въ Гришѣ рядъ новыхъ мыслей и заставили его забыть о томъ, для чего онъ началъ разговоръ. Ему съ самыхъ первыхъ доей поступленія въ лавку роль тор-

говца очень понравилась и онъ много разъ мечталъ о томъ, какъ, когда выростетъ большой, заведетъ такую же лавку, какъ у Семена Иваныча, и вдругъ ему говорятъ, что этого нельзя, что не зная грамоты, онъ не можетъ быть торговцемъ. Гриша не на шутку загрустилъ.

— Дѣдушка,—сказалъ онъ черезъ нѣсколько времени старику, смотря на него умильными глазами,—а что же эту грамоту нельзя развѣ выучить?

— Отчего нельзя, люди же выучиваются и тебѣ выучиться можно,—отвѣчалъ старикъ,—только гдѣ мы учителя возьмемъ, безъ учителя ничего не сдѣлаешь; хоть я и куплю тебѣ букварь, такъ ты по немъ ничего не поймешь, а я ужь старъ, плохо вижу, гдѣ мнѣ тебя учить, да я и самъ-то съ грѣхомъ пополамъ читаю.

Гриша однако-же не отчаялся. Онъ зналъ, что у него есть другъ, всегда готовый за него и подумать, и похлопотать; и въ первое же воскресенье, оставшись наединѣ съ Ириной Савишной, разсказалъ ей о своемъ горѣ.

Ирина Савишна задумалась.

— Конечно, грамота дѣло хорошее,—сказала она,—да учителю дорого надо платить. Ну да ты не тужи, голубчикъ, можетъ какъ нибудь и придумаемъ.

И дѣйствительно, добрая старушка придумала. Въ понедѣльникъ же за ужиномъ она сказала.

— Ну, Гришута, ты хотѣлъ учиться грамотѣ, а я тебѣ и учителя подъискала, хоть не важный, да не бѣда.

У Гриши глаза заблистали отъ радости.

— Кого такого?—спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Да вспомнила я, что у племянницы, у Машеньки, сынокъ ужъ второй годъ въ гимназіи разнымъ наукамъ учится; подумала: читать онъ навѣрное ужъ умѣетъ, пусть-ка приходитъ, да по праздничнымъ днямъ нашего Гришуту обучаетъ; я и сходила сегодня къ нимъ, сказала это. Машенька ничего, говоритъ, конечно, чѣмъ мальчику такъ баловаться, пусть доброе дѣло сдѣластъ; а Ванюша радъ радехонекъ, особливо, какъ ему пообѣщала пряниковъ, да пастилы; такъ говоритъ я и въ будень могу забѣжать, когда позволите.

Со слѣдующаго же воскресенья началось ученье Гриши. Его учитель, 12-лѣтній Ваня, былъ очень тихій, застѣнчивый мальчикъ.

Роль учителя и нравилась ему, и смущала его. Онъ принесъ съ собою старую книжку, по которой его самаго учили читать, и сталъ показывать буквы, называя ихъ тихимъ, несмѣлымъ голосомъ. Съ такимъ учителемъ Гриша чувствовалъ себя совершенно свободно. Онъ нѣсколько разъ повторялъ то, что казалось ему труднымъ распрашивалъ о томъ, чего не могъ понять. Мало по малу и Ваня оправился. Заставивъ своего ученика твердо выучить половину азбуки, онъ съ важнымъ видомъ разлиновалъ листъ бумаги, показалъ, какъ нужно держать перо и какъ писать буквы. Урокъ продолжался почти два часа. Ваня остался обѣдать у дѣдушки и послѣ обѣда они съ Гришей разговаривали, какъ добрые пріятели. Гриша не зналъ, что такое гимназія, не зналъ даже, чему, кромѣ чтенія, письма да счета, учатся люди, не зналъ о чемъ могутъ писать въ книгахъ, которыя ему случалось видѣть издали. Ваня объяснилъ ему все это и обѣщалъ даже въ слѣдующее воскресенье принести книжку и прочитать одну очень хорошую исторію. Въ теченіе недѣли Гриша съ помощью старика выучился и читать и писать всю азбуку и въ воскресенье его маленькій учитель показалъ ему склады. Гриша нашелъ, что запоминать ихъ труднѣе, чѣмъ буквы, онъ никакъ не могъ понять къ чему всѣ эти мя, мю, мы, которые Ваня заставлялъ его твердить и нашелъ даже, что учиться грамотѣ довольно скучно. Но когда послѣ урока Ваня прочелъ ему обѣщанную исторію, онъ пришелъ въ полный восторгъ. Никогда въ жизни не слыхалъ онъ чтенія и эта первая повѣсть, прочитанная ему, показалась чѣмъ то чуднымъ.

— Ваня, Ваня—вскричаалъ онъ, когда кончилось чтеніе, —скажи, и всѣ книги такія хорошія, и во всѣхъ такое хорошее пишутъ?

— Нѣтъ, не во всѣхъ,—важно отвѣчалъ Ваня, есть книги очень скучныя, вотъ напр. грамматика, но ты можешь не учить ее, а за то есть и очень много книгъ гораздо занимательнѣе этой!

— Ахъ, кабы скорѣй научиться читать ихъ—вздохнулъ Гриша. Голубчикъ, Ваня, покажи мнѣ еще эти склады, я что то не хорошо понялъ.

И онъ опять принялся твердить ба, бе, би, бо, бу, на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ охоты было больше.

Вообще ученье пошло успѣшно. Гриша постоянно держалъ за

пазухой свою книжку и чуть выдавалось свободное время, когда въ лавкѣ не было покупателей, тотчасъ же принимался повторять то, что показывалъ ему Ваня въ праздникъ. Иногда, съ помощью старика, онъ выучивалъ дальше заданнаго урока и такимъ образомъ къ концу марта мѣсяца, могъ, хотя медленно и съ запинками читать книжку съ маленькими сказочками, подаренную ему Ваней. Писанье его шло очень хорошо. Онъ изводилъ на него такъ много бумагѣ, что Семенъ Ивановичъ купилъ ему наконецъ, аспидную доску и мальчикъ исписывалъ ее каждый день по нѣсколько разъ. Еще раньше Гриша выучился у Семена Ивановича считать на счетахъ и онъ безъ труда понялъ, какъ дѣлать вычисленія на бумагѣ. Такимъ образомъ, самое трудное было пройдено. Выучившись читать и писать, Гриша сталъ обходиться безъ учителя. Онъ при самомъ началѣ ученья рѣшилъ, что пойдетъ въ Гончарную только тогда, когда выучится бѣгло читать и въ состояніи будетъ всѣхъ удивить своимъ искусствомъ. Это рѣшеніе еще больше подстрекало его прилежаніе. Къ святой онъ уже бойко читалъ всякую книгу. Семенъ Ивановичъ сшилъ ему новое платье и далъ похвальное свидѣтельство, въ которомъ говорилось, что во все время жизни у него мальчикъ велъ себя честно и исправно.

Съ какою гордостью, съ какою радостью шелъ теперь Гриша къ своимъ знакомымъ. Ирина Савишна положила ему въ маленькую корзинку кусокъ вкуснаго сдобнаго кулича, пасхи и пятокъ яицъ для Анки; кромѣ того она сунула ему въ руку рублевую бумажку, чтобы онъ угостилъ чѣмъ-нибудь своихъ знакомыхъ; самъ онъ захватилъ въ карманъ книжку, данную ему для чтенія Ваней, и, весело подпрыгивая, отправился къ давно знакомымъ мѣстамъ. Вотъ ужъ и церковь Знаменья, вотъ и Гончарная, вотъ и старый домъ... Легкими шагами вбѣжалъ мальчикъ по лѣстницѣ. Всѣ жильцы компаты были дома, ради праздника и, вѣроятно, также ради праздника шумѣли больше обыкновеннаго. Гриша увидалъ нѣсколько знакомыхъ лицъ: тетку Анисью, Авдотью, семейство, поселившееся въ углу шарманщика, остальные были все новые, незнакомые ему люди. Онъ смѣлыми шагами подошелъ къ Анисьѣ, о чемъ то горячо споришей съ одною изъ жилицъ.

— Здраствуйте, тетенька!—привѣтствовалъ онъ ее веселымъ голосомъ.

Анисья оглянулась. Она не сразу узнала въ этомъ чисто одѣтомъ, бодромъ мальчикѣ печальнаго маленькаго оборванца, выгнаннаго ею изъ дома.

— Гришутка! неужели ты!—вскричала она,—откуда это ты такимъ франтомъ!

— Я, тетенька, на мѣстѣ живу у одного купца, въ лавкѣ торгую,—не безъ самодовольства отвѣчалъ мальчикъ.—Я вамъ все разскажу, только гдѣ же Анка? спросилъ онъ тревожно, не видя своей маленькой подруги.

— Анка? а она, что то все хвораетъ, лежитъ, должно быть. Анка! иди же сюда, смотри, кто пришелъ!

На зовъ Анисьи подошла дѣвочка, въ которой Гриша едва узналъ свою маленькую подругу. Она, во первыхъ, сильно выросла, но главное похудѣла и поблѣднѣла до того, что страшно было смотрѣть на нее. При видѣ любимаго товарища слабая улыбка чуть-чуть скользнула по ея посинѣлымъ губкамъ, но глаза ея, казавшіеся еще больше и темнѣе отъ черныхъ круговъ подъ ними, смотрѣли все также тускло и безжизненно.

— Аня, Аня, что это съ тобою? вскричалъ Гриша—бросаясь къ ней.

— Ничего,—отвѣчала слабымъ голосомъ дѣвочка, я была немножко нездорова, теперь мнѣ лучше; я рада, что ты пришелъ, Гриша.

Вся веселость Гриши исчезла. Онъ подробно разсказалъ о томъ, гдѣ и какъ онъ живетъ, показалъ свидѣтельство, выданное ему хозяиномъ, похвасталъ своими знаніями, но въ его разсказахъ не было оживленія, онъ безпрестанно слѣдилъ глазами за Анкой, въ надеждѣ, что вотъ, вотъ она опять станетъ какъ прежде, опять заблестятъ ея глазки, разгорятся ея щечки. Надежды эти были напрасны. Дѣвочка слушала его внимательно, но какъ-то безучастно и лицо ея не выражало ничего, кромѣ сильнаго утомленія. Удовлетворивъ любопытство тетки Анисьи и всѣхъ жильцовъ, выслушавъ ихъ похвалы и изъявленія удивленія, Гриша ушелъ съ Анкой въ тотъ темный уголокъ, гдѣ такъ много переговорили они. Авдотья была дома и сама присматривала за своимъ сыномъ, который уже почти не нуждался въ присмотрѣ: ему было около 3 лѣтъ, онъ твердо ходилъ и бѣгалъ на своихъ маленькихъ ножкахъ и умѣлъ по цѣлымъ часамъ играть одинъ, никому не

мѣшая. Такимъ образомъ Анка была совсѣмъ свободна. Она прилегла на свою маленькую постельку, жалуясь на сильную усталость, а Гриша сѣлъ подлѣ нея на полъ.

— Разскажи же мнѣ, что нибудь о себѣ,—просилъ онъ,—я объ себѣ ужъ все сказалъ; что съ тобой было, чѣмъ ты была больна?

— Я и сама не знаю чѣмъ, отвѣчала дѣвочка.—Худо мнѣ было жить, какъ ты ушелъ, все меня воровкой называли, да тобой попрекали. Всякій мною помыкалъ; говорятъ: за то благодари, что не выгнали. Посылали меня въ лавочку и въ распивочную, холодно такъ было, я все безъ башмаковъ бѣгала, кашлять стала, а разъ одинъ жилецъ, помнишь, что тебѣ руки вязалъ, пьянъ напился, да такъ меня ударилъ въ грудь, что я безъ памяти повалилась. Съ тѣхъ поръ все грудь болитъ, только не очень, теперь лучше, можетъ, выздоровлю, а можетъ помру, хорошо кабы поскорѣй...

Гриша съ тоской глядѣлъ на бѣдную малютку; длинный разговоръ видимо утомилъ ее, она закрыла глаза и лежала такая блѣдная и неподвижная, точно и въ самомъ дѣлѣ желаніе ея уже исполнилось...

— Нѣтъ, Аня, нѣтъ,—вскричалъ онъ, схвативъ ея исхудалую ручку,—ты не умрешь, ты выздоровѣешь! вотъ мнѣ теперь хорошо жить и тебѣ также будетъ хорошо, я уведу тебя отсюда; ты слышала, я говорилъ объ Иринѣ Савишнѣ, она добрая, она сдѣлаетъ, что тебѣ будетъ хорошо. Аня, скажи, хочешь?

— Мнѣ все равно, Гриша, слабымъ голосомъ отвѣчала дѣвочка, мнѣ теперь и здѣсь будетъ хорошо, когда они узнали, что ты не воръ. Ты ходи ко мнѣ, а къ чужимъ людямъ я не хочу, здѣсь все свое...

Печально провелъ Гриша этотъ день, о которомъ онъ такъ мечталъ. Онъ ни на минуту не отходилъ отъ Анн, онъ разсказывалъ ей всѣ подробности своей новой жизни, все, что онъ успѣлъ и передумать, и слышать, и прочесть. Нѣсколько разъ принимался онъ упрашивать дѣвочку оставить эту мрачную комнату и идти съ нимъ вмѣстѣ къ добрымъ людямъ, пріютившимъ и обласкавшимъ его, но она всякій разъ отвѣчала ему отказомъ.

— Нѣтъ, Гриша,—говорила она,—не пойду я къ чужимъ людямъ, да и что мнѣ тамъ дѣлать? дѣтей у нихъ нѣтъ, нянчить мнѣ некого будетъ, а работы я никакой не знаю. Ты только по-

проси, чтобы меня здѣсь не обижали; да они и то добрые стали, какъ я захворала, Авдотья даже очень добрая, заступается за меня!

Гриша отдалъ Анкѣ весь рубль, полученный въ подарокъ отъ Ирины Савишны, и обѣщалъ приходить къ ней всякое воскресенье.

— Приходи, Гришенька—проговорила дѣвочка, ласкаясь къ нему,—съ тобой хорошо!

Гриша вернулся домой поздно вечеромъ. По его печальному, разстроенному лицу Ирина Савишна тотчасъ же замѣтила, что что-то неладно. Она, по своему обыкновенію, немедленно начала ласково, но настойчиво распрашивать его, въ чемъ дѣло. Противъ этихъ разспросовъ Гриша никогда не могъ устоять, а теперь онъ и самъ не прочь былъ подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ горемъ. Со слезами разсказалъ онъ доброй старушкѣ, какъ измѣнилась Анка за эту зиму и какъ онъ боится, что она въ самомъ дѣлѣ умретъ.

— Экая бѣдняжка какая!—сказала старуха.—Впрочемъ, ты голубчикъ, очень не тревожься, дѣти часто болѣютъ и не всякая болѣзнь бываетъ къ смерти, можетъ такъ, къ росту прихворнула дѣвочка. Завтра Семенъ Ивановичъ не откроетъ лавки, такъ ты можешь опять сходить къ ней. У меня есть одна травка, ее пьютъ, когда грудь болитъ, и очень помогаетъ, ты ей снеси. Башмачки и платьице тоже, Богъ дастъ, смастеримъ ей. Я тебѣ дамъ для нея и чайку, и сахару; Господь не безъ милости; поправится.

Успокоительныя слова Ирины Савишны нѣсколько утѣшили Гришу. На другой день Анка показалась ему не такой страшной, какъ наканунѣ: онъ отдалъ ей чай и сахаръ, присланный доброй старушкой, и взялъ съ нея слово, что она будетъ непремѣнно каждый день пить грудную травку. Такъ какъ ему не о чемъ было больше разсказывать, а Анка все прималчивала, то онъ предложилъ почитать ей что-нибудь. Книги были невиданною рѣдкостью въ комнатѣ бѣдняковъ. Какъ только Гриша началъ читать, сидя на полу подлѣ своей маленькой подруги, его тотчасъ же обступила цѣлая толпа слушателей. Даже тетка Анисья придвинула свой стулъ поближе къ дѣтямъ и, повидимому, заинтересовалась разсказомъ. Когда кончилось чтеніе, на чтеца со всѣхъ сторонъ посыпались похвалы.

— Кто бы подумалъ!—замѣтила Анисья,—совсѣмъ былъ пропащій мальчишка, а какимъ умникомъ сталъ!

Послѣ этого начались толки о прочитанномъ разсказѣ. Каждый высказывалъ свое мнѣніе и къ Гришѣ обращались за разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ и сомнѣній. Одна Анка ничего не говорила. Бѣдная малютка заснула подъ мѣрные звуки чтенія и грустно было Гришѣ видѣть, что маленькая подруга, о которой онъ такъ часто думалъ, побѣждая трудности ученья, не можетъ радоваться его успѣхамъ!

Съ этихъ поръ каждый праздникъ, каждое воскресенье приходилъ онъ въ бѣдную комнату въ Гончарной. Его принимали тамъ съ радостью, даже съ почетомъ. О прежнемъ проступкѣ не было и помина. Ворчливый старикъ умеръ въ теченіе зимы. Онъ оставилъ послѣ себя совсѣмъ не такъ много денегъ, какъ воображали дѣти, всего 500 р., которые и достались одному бѣдному мастеровому, его племяннику.

— Ужъ какъ онъ обрадовался, бѣдняга,—разсказывала Анисья,— ему и во снѣ не снилось такое богатство! Теперь, говоритъ, свою мастерскую заведу, буду жить, какъ надо человѣку и пить брошу, и жену не буду бить!

Гриша обыкновенно приносилъ съ собою какую нибудь книгу и всякій разъ чтеніе его слушалось съ большимъ вниманіемъ. Конечно, не для кого посѣщенія его не были такъ пріятны, какъ для Анки. Съ возвращеніемъ теплыхъ дней здоровье дѣвочки стало поправляться. Она рѣже жаловалась на боль груди, меньше уставала, съ большимъ участіемъ относилась къ окружающему. Всякій разъ при видѣ Гриши на губахъ ея появлялась счастливая улыбка, всякій разъ она провожала мальчика со слезами на глазахъ и съ тихой просьбой: «приходи опять, голубчикъ, съ тобою мнѣ хорошо». Ирина Савишна безпрестанно посылала малюткѣ то денегъ, то чего нибудь съѣстнаго, то какихъ нибудь мелкихъ вещицъ, такъ что Анкѣ не приходилось терпѣть нужды ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ. Болѣзнь дѣвочки оказала вліяніе на Гришу. Онъ никогда не былъ золъ относительно своей маленькой подруги, никогда не обижалъ ее, но онъ обыкновенно обращался съ ней довольно грубо; теперь же видъ ея исхудалаго болѣзненнаго личика трогалъ его чуть не до слезъ; ему жалко было сказать ей какое нибудь неласковое слово, сдѣлать ей хоть малѣйшую непріятность. Уходя домой въ воскресенье вечеромъ, онъ всякій разъ отводилъ въ сторону тетку Анисью и самымъ убѣдительнымъ обра-

зомъ просилъ ее не давать Анку въ обиду. Другихъ жильцовъ онъ просилъ о томъ же и старался быть какъ можно вѣжливѣе съ ними, чтобы они исполнили его просьбу?

— Да не обидимъ, не обидимъ,—успокоивали они его, что мы злодѣи, что-ли, чтобы обижать больнаго ребенка.

И дѣйствительно, они стали какъ то добрѣе къ дѣвочкѣ—у которой явился хоть маленькій, да усердный защитникъ.

Гришѣ жилось хорошо. Работа въ лавкѣ была не трудна и онъ исполнялъ ее охотно. Хозяева были такъ добры къ нему, что ему доставляло удовольствіе въ чемъ нибудь помочь имъ, оказать имъ какую нибудь услугу. Семенъ Ивановичъ назначилъ ему послѣ святой небольшое жалованье, такъ что мальчику, обезпеченному всѣмъ необходимымъ, имѣвшему даже деньги на мелочные расходы, и въ голову не приходило пользоваться чужою собственностью. Да и у кого сталъ бы онъ воровать? Неужели у людей, пріютившихъ его, когда онъ, безпомощный, всѣми оставленный, не зналъ, куда преклонить голову; у людей, обласкавшихъ его, когда всѣ знакомые отвернулись отъ него, какъ отъ негодяя? Нѣтъ, это могъ сдѣлать только совсѣмъ испорченный мальчикъ, а Гриша не былъ такимъ.

Гришѣ не скучно было торговать въ лавкѣ, ему пріятно было слушать тихіе, ласковые разговоры стариковъ, ему весело было всякій праздникъ ходить къ Анкѣ и знать, что она встрѣтитъ его съ радостью. Но ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ книги. Ваня пересталъ ходить по воскресньямъ давать ему уроки, но, возвращаясь домой изъ гимназіи, онъ часто забѣгалъ въ лавку дѣдушки. Они уходили съ Гришей въ маленькую комнату, сзади магазина, и тутъ, сами того не замѣчая, опять превращались въ учителя и ученика. Ваня разсказывалъ Гришѣ обо всемъ, что дѣлалъ въ гимназіи, приносилъ ему книги, объяснялъ ему разныя непонятныя слова въ этихъ книгахъ. Гриша внимательно слушалъ всѣ эти объясненія и всегда имѣлъ на готовѣ нѣсколько вопросовъ, которые долженъ былъ разрѣшить его болѣе ученый товарищъ. Очень часто вопросы эти затрудняли учителя столько же, сколько ученика, и тогда Ваня долженъ былъ порыться въ своихъ книжкахъ или обратиться къ кому нибудь изъ старшихъ за разъясненіемъ ихъ. Гриша продолжалъ проводить за книгами все свободное время и чѣмъ больше онъ читалъ, тѣмъ

интереснѣе становилось ему чтеніе. Прежде онъ обращалъ очень мало вниманія на окружающіе предметы: онъ зналъ, что непріятно, когда идетъ дождь или снѣгъ, что молнія можетъ убить человѣка, что дома строятся изъ кирпичей; но что такое этотъ дождь и снѣгъ, откуда берется эта молнія, изъ чего дѣлаются эти кирпичи, ему и въ голову не приходило освѣдомиться. Теперь, напротивъ: случилось ему прочесть въ какой-то книжкѣ объясненіе того, что такое вѣтеръ, и это сразу возбудило въ немъ множество вопросовъ. Ему захотѣлось узнать, и откуда берутся тучи, и что такое небо, и на чемъ держатся звѣзды, и отчего луна бываетъ не всегда одинаковою, и тысячу тысячъ другихъ вещей. Ванѣ пришлось исписать цѣлую страницу разными вопросами и отправиться съ ними къ одному своему знакомому учителю, а тотъ, вмѣсто отвѣта на эти вопросы, далъ мальчикамъ цѣлую связку книгъ, которыя должны были, какъ онъ говорилъ, удовлетворить ихъ любопытство. Дѣйствительно, книги эти объяснили Гришѣ многое изъ того, что было ему до сихъ поръ неясно, но за то онѣ указали ему и еще на множество непонятныхъ вещей, о которыхъ онъ прежде и не думалъ. Опять пришлось идти съ вопросами къ учителю и опять онъ далъ новый запасъ книгъ. Семенъ Ивановичъ даже морщился подъ часъ на эту страсть къ чтенію своего маленькаго помощника. Правда, теперь Гриша могъ чисто и четко записать въ книгу всякій проданный товаръ, могъ свести счеты выручки не только за одинъ день, но даже за цѣлую недѣлю; но старому купцу казалось, что мальчикъ становится не довольно внимателенъ къ своему дѣлу, что, показывая какой нибудь товаръ покупателямъ, онъ думаетъ не о томъ, какъ бы лучше выхвалить его достоинства, а о томъ, какъ бы скорѣе кончить дѣло, да засѣсть за свою книжку. И это была правда: читать и учиться казалось Гришѣ несравненно пріятнѣе, чѣмъ торговать. Онъ исполнялъ свое дѣло не съ такимъ удовольствіемъ, какъ первое время, но теперь онъ понималъ, что *долженъ* исполнять его; онъ началъ понимать разницу между дурными и хорошими поступками и его труднѣе было бы склонить на что-нибудь злое. Мальчикъ самъ не зналъ, какъ явилось у него это пониманіе: его дали ему книги. Когда ему случалось читать исторію какого нибудь человѣка, всегда и во всемъ поступавшаго честно и правдиво, хотя за эту честность ему приходилось терпѣть обиды отъ

дурныхъ людей, онъ восхищался этимъ человѣкомъ и незамѣтно для себя начиналъ любить честность и правдивость; когда онъ встрѣчалъ въ книгѣ описаніе человѣка, забывавшаго о себѣ для того, чтобы принести пользу другимъ людямъ, слезы навертывались на глазахъ его и ему невольно думалось: «Ахъ, если бы быть такимъ!»

Книги же объяснили ему, и что значитъ быть честнымъ и добрымъ. Теперь ужъ онъ постыдился бы не только обвѣсить или обмѣрить покупателя, какъ дѣлалъ въ первое время, но даже взять съ него цѣну дороже той, какой стоилъ товаръ; онъ занимался въ лавкѣ и служилъ своимъ хозяевамъ не потому только, что они были добрые люди и что съ ними пріятно было жить, но и потому, что онъ хотѣлъ жить своимъ трудомъ, что онъ не хотѣлъ пользоваться даромъ милостью стариковъ.

Между тѣмъ время шло. Опять настала дождливая осень, а за ней и суровая зима. Занятый своими книгами и разрѣшеніемъ разныхъ новыхъ вопросовъ, которые онѣ въ немъ возбуждали, Гриша обращалъ какъ-то меньше вниманія на болѣзнь Анки. Онъ уже присмотрѣлся къ ея блѣдному личику и ея худоба, ея болѣзненный видъ не поражали его такъ, какъ прежде. А между тѣмъ съ наступленіемъ холодовъ бѣдная дѣвушка опять начала чахнуть. Авдотья по просьбѣ Гриши сводила ее къ доктору. Тотъ прописалъ ей лекарство, но оно совсѣмъ не помогало. Опять стала она кашлять, опять жаловаться на боль въ груди и въ боку, опять часто уставала и должна была ложиться. За Колькой она уже не могла усмотрѣть. Онъ ни въ грошъ не ставилъ свою слабенькую няньку и, не смотря на ея увѣщанія, каждое утро отправлялся себѣ одинъ во дворъ, игралъ съ другими ребятишками и возвращался домой только поѣсть да немножко погрѣться. Авдотья была этимъ, конечно, очень недовольна и не прогоняла Анку только потому, что ей не приходилось ни кормить, ни одѣвать дѣвочку. Гриша отдавалъ все свое жалованье Анисьѣ съ тѣмъ, чтобы она покупала все, что нужно для малютки, и, кромѣ того, всякое воскресенье приносилъ ей какой нибудь подарочекъ отъ Ирины Савишны. Къ концу зимы Анка уже почти совсѣмъ не вставала съ постели.

— Не отвезти ли намъ ее въ больницу? — предложила какъ-то Анисья.

— Ахъ, нѣтъ, тетенька, голубушка, — вскричала дѣвочка со слезами, услышавъ эти слова, — я выздоровлю, я не буду лежать, только пожалуйста не отсылайте меня въ больницу!

У Гриши сжалось сердце при словѣ «больница». Тамъ умерла его мать, тамъ умеръ старый шарманщикъ, неужели и она, бѣдная, маленькая Аня также умретъ! Услышавъ просьбу малютки, онъ поспѣшилъ успокоить ее. «Нѣтъ, ее не отдадутъ въ больницу ни за что, онъ не пуститъ ее!»

— Я право выздоровлю, — увѣряла Анка, — какъ только станетъ тепло, такъ я и буду здорова; прошедшій годъ я также была больна, а лѣтомъ выздоровѣла.

И Гриша вѣрилъ ея словамъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ теплыхъ весеннихъ дней.

Прошла зима. Насталъ мартъ мѣсяцъ. Снѣгъ на улицахъ таялъ, повѣяло теплomъ. Гриша получилъ жалованье за послѣдній мѣсяцъ, купилъ для Анки баночку варенья и въ бодромъ, веселомъ расположеніи духа отправился въ Гончарную.

— Она сказала, что выздоровѣетъ, когда будетъ тепло, — повторялъ онъ себѣ, — сегодня очень тепло, можетъ быть, ей, и вправду, лучше! — Онъ вбѣжалъ на лѣстницу, быстро отворилъ дверь, но ахъ! надежда обманула его! Анка не встала даже, чтобы встрѣтить его. Она лежала неподвижно на своей постелькѣ, глаза ея были закрыты, на щекахъ ея горѣлъ лихорадочный румянецъ.

— Что это, ей хуже? — испуганнымъ голосомъ спросилъ Гриша у Анисьи.

— Да, со вчерашней ночи хуже сдѣлалось, — довольно спокойнымъ голосомъ отвѣчала Анисья, — все либо охаетъ, либо вотъ такъ лежитъ, можетъ, спитъ, не знаю.

Гриша съ тоскою посмотрѣлъ на больную.

— Я схожу за докторомъ, — рѣшительнымъ голосомъ проговорилъ онъ и вышелъ вонъ. Долго пришлось ему ходить изъ одной улицы въ другую, пока наконецъ онъ нашелъ доктора, согласившагося идти тотчасъ-же, съ нимъ вмѣстѣ, посмотрѣть больную. Этотъ докторъ былъ сѣденькій старичокъ, немножко ворчливый и грубоватый, но, въ сущности, очень добрый. Онъ внимательно осмотрѣлъ Анку, прописалъ лекарство, велѣлъ давать ей все, что она захочетъ и не согласился взять денегъ за визитъ. Гриша проводилъ его на лѣстницу.

— Что у дѣвочки есть отецъ или мать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, она сирота,—отвѣчалъ Гриша.

— А ты, вѣрно, братъ ея? ну, такъ я тебѣ скажу, что ты глупъ. Доктора надо звать, когда человѣкъ заболѣваетъ, а не когда онъ умираетъ. Ее надо было лечить еще въ прошломъ году, а теперь на что ей лекарства? все равно она и до завтра не проживетъ!

Слова старика, какъ громомъ, поразили Гришу. До сихъ поръ онъ никакъ не могъ себѣ представить, что болѣзнь Анки опасна, а вдругъ ему говорятъ, что она и до завтра не проживетъ! Бѣдный мальчикъ не могъ выговорить ни звука въ отвѣтъ доктору, не замѣтилъ даже, какъ докторъ спустился съ лѣстницы, онъ стоялъ на мѣстѣ, ничего не видя, не слыша и только мысленно повторяя ужасныя слова:

— Она не доживетъ до завтра. Нѣтъ это неправда!—вскричалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ,—докторъ ошибся! Я такъ буду ухаживать за ней, что она навѣрно не умретъ!

И онъ вернулся къ постелькѣ больной и не отходилъ отъ нея цѣлый день. Анка то металась и стонала, то лежала тихо въ забытьѣ. Къ вечеру она очнулась, ей стало полегче, она узнала Гришу, улыбнулась ему и согласилась даже съѣсть ложечку его варенья. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Онъ увѣрилъ себя, что докторъ сказалъ неправду и что дѣвочка выздоровѣетъ.

— Теперь я засну немножко,—слабымъ голосомъ сказала Анка, и она въ самомъ дѣлѣ задремала тихо и спокойно. Гриша не пошелъ въ этотъ вечеръ домой, онъ рѣшился провести всю ночь подлѣ больной. Дѣвочка заснула, всѣ жильцы комнаты старались быть какъ можно тише, чтобы не тревожить больнаго ребенка. Гриша и самъ задремалъ. Вдругъ среди ночи его разбудилъ крикъ Анки; онъ бросился къ ней, она сильно металась.

— Мнѣ тяжело, ай, какъ тяжело!—стонала она.

Гриша взялъ ее на руки и принялся убаюкивать ее, какъ маленькаго ребенка. Но это не помогало.

— Мнѣ душно, меня давитъ!—кричала она.

Бѣдный мальчикъ совсѣмъ растерялся и не зналъ, что дѣлать. Мало по малу больная сама успокоилась.

— Гриша,—проговорила она прерывающимся голосомъ,—ты все читаешь... учишься... выучись... какъ сдѣлать, чтобы не было такъ тяжело... такъ больно... ой...

Это были послѣднія слова маленькой Анки. Она опять впала въ безпамятство, а къ утру Анисья съ Авдотьей хлопотали уже около трупа бѣдной малютки.

Послѣ описанныхъ нами сценъ прошло 15 лѣтъ. Мы попросимъ читателя заглянуть въ квартиру знакомыхъ ему лицъ, Петра Степановича и Анны Ѳедоровны Гурьевыхъ. Квартира эта теперь стала обширнѣе, чѣмъ была въ то время, когда приведеніе ея въ порядокъ лежало на маленькомъ Гришѣ. Дѣло въ томъ, что за эти 15 лѣтъ семейство Гурьевыхъ увеличилось: блѣдненькій Петя превратился въ стройнаго, худощаваго Петра Петровича, женился и все-таки продолжаетъ жить съ родителями. Въ ту минуту, когда мы входимъ къ Гурьевымъ, семейство ихъ поражено горемъ. Петръ Степановичъ сидитъ неподвижно на диванѣ съ выраженіемъ сильнѣйшей печали на своемъ престарѣломъ лицѣ; Анна Ѳедоровна рыдаетъ. Петръ Петровичъ съ тревогой ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Дѣло въ томъ, что у Петра Петровича есть сынъ и ребенокъ этотъ, любимецъ, и баловень всей семьи, внезапно опасно заболѣлъ. Лакея послали за однимъ извѣстнымъ дѣтскимъ докторомъ, мать не спускаетъ съ рукъ маленькаго больнаго, а всѣ остальные члены семьи въ тревогѣ ждутъ пріѣзда врача и его приговора. Въ передней раздался звонокъ, всѣ вздрогнули, Петръ Степановичъ набожно перекрестился. Черезъ минуту въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ 27, съ умнымъ, серьезнымъ лицемъ. Всѣ бросились ему на встрѣчу.

— Наконецъ-то, какъ мы васъ ждали!—говорилъ Петръ Степановичъ, пожимая руку вошедшему.

— Докторъ, спасите его, онъ умираетъ!—восклицала въ то-же время Анна Ѳедоровна.

— Вчера еще онъ былъ здоровъ,—мрачнымъ голосомъ пояснялъ Петръ Петровичъ.

— Извините,—замѣтилъ докторъ,—но я попросилъ-бы позволенія взглянуть на больнаго.

Его провели въ дѣтскую, гдѣ около кроватки двухъ-лѣтняго Петруши со слезами и вздохами суетились молодая мать и старая нянька. Докторъ самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣлъ больнаго, распросилъ о припадкахъ его болѣзни, прописалъ ле-

карство, которое велѣлъ какъ можно скорѣе взять изъ аптеки, и затѣмъ сказалъ, обращаясь къ окружавшей его семьѣ:

— Я не скрою отъ васъ, что болѣзнь малютки очень опасна, на столько опасна, что малѣйшее упущеніе можетъ стоить ему жизни. Есть-ли у васъ кто-нибудь, кто могъ-бы ухаживать за нимъ съ полнымъ присутствіемъ духа, спокойствіемъ и аккуратностью?

Одного взгляда на перепуганныя лица окружающихъ было довольно доктору, чтобы убѣдиться, что ни спокойствія, ни присутствія духа отъ нихъ ожидать нельзя.

— Я самъ останусь съ малюткой,—сказалъ, послѣ минутнаго раздумья, докторъ, я попрошу васъ только уйти изъ комнаты и оставить меня одного съ моимъ паціентомъ. Не тревожьтесь, я обѣщаю вамъ употребить всѣ старанія, чтобы спасти его, и надѣюсь на успѣхъ.

Гурьевы хотѣли благодарить, хотѣли возражать, но докторъ серьезнымъ голосомъ напомнилъ имъ, что около постели больнаго слѣдуетъ прежде всего соблюдать тишину, и еще разъ попросилъ ихъ удалиться. Нечего дѣлать, пришлось покориться. Они ушли въ сосѣднюю комнату и провели всю ночь безъ сна, въ тревогѣ и слезахъ, не смѣя ни говорить, ни плакать громко, чтобы не разсердить строгаго доктора. А докторъ до утра не отходилъ отъ постели ребенка. Наконецъ уже въ 10-мъ часу онъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣло все семейство. Лицо его было блѣдно послѣ безсонной ночи, но въ глазахъ свѣтилось удовольствіе.

— Могу васъ поздравить,—сказалъ онъ весслымъ голосомъ,—ребенокъ спасенъ, всякая опасность миновала, и если вы въ точности исполните мои предписанія, вашъ мальчикъ будетъ черезъ нѣсколько дней совсѣмъ здоровъ.

Можно себѣ представить, какія жаркія изъявленія благодарности посыпались на доктора! Онъ могъ остановить ихъ, только напомнивъ, что ребенокъ еще не здоровъ и что онъ долженъ передать кому-нибудь уходъ за нимъ. Всѣ его наставленія и приказанія были выслушаны съ какимъ-то благоговѣніемъ и все семейство вышло провожать его до самой лѣстницы, продолжая благодарить его.

Малютка сталъ видимо поправляться. На пятый день онъ уже сидѣлъ у себя на кроваткѣ и весело болталъ съ докторомъ, на-

зывая его добрымъ дядею. Прощаясь въ этотъ день съ Гурьевыми и объявивъ имъ, что не считаетъ нужнымъ продолжать посѣщать ихъ, такъ какъ ребенокъ совсѣмъ поправился, докторъ остановился на минуту въ гостиной и сказалъ, обращаясь къ хозяевамъ.

Мнѣ вдвойнѣ пріятно было оказать вамъ услугу, такъ какъ мы съ вами старые знакомые.

— Какъ такъ? — вскричала Анна Ѳедоровна.

— Извините, не имѣю чести....—замялся Петръ Степановичъ.

— Вы, можетъ быть, вспомните,—улыбнулся докторъ,—одного мальчишку, служившаго у васъ лакеемъ, много лѣтъ тому назадъ; его звали Гришей и вы выгнали его, заподозрѣвъ въ кражѣ 3-хъ рублевой бумажки.

Гурьевы стали вспоминать.

— Помню, помню,—вскричалъ Петръ Петровичъ,—онъ игралъ со мной въ тихомолку и еще заставилъ меня взять на себя какую то его шалость.

— Теперь и я вспомнилъ,—сказалъ Петръ Степановичъ, это былъ ужасный негодяй и я предсказывалъ ему, что онъ добромъ не кончитъ.

— Къ счастью, предсказанія ваши пока еще не сбылись,—отвѣчалъ докторъ. Нашлись добрые люди, которые помогли этому мальчику спастить отъ дурнаго конца, и теперь онъ стоитъ передъ вами, надѣюсь, не негодяемъ.

Григорій Даниловичъ поклонился и быстро вышелъ изъ комнаты прежде, чѣмъ изумленные Гурьевы могли придти въ себя.

— Кто бы это могъ подумать! — вскричала Анна Ѳедоровна,— изъ такого дрянnаго мальчишки и вышелъ такой человѣкъ.

— Ужъ, подлинно, чудеса, даже какъ то не вѣрится,—подтвердилъ Петръ Степановичъ.

Для насъ, знающихъ исторію Гриши и знавшихъ его мальчикомъ, гораздо лучше, чѣмъ его знали его прежніе господа, конечно, не покажется чудеснымъ то, что онъ не сталъ негодяемъ. Но многіе удивятся, можетъ быть, какъ успѣлъ маленькій прикащикъ Семена Ивановича превратиться въ искуснаго доктора. Дѣло въ томъ, что занятіе торговлей не правилось Гришѣ. Чѣмъ старше

онъ становился, тѣмъ больше привлекали его книги. Не смотря на то, онъ не оставлялъ своихъ добрыхъ хозяевъ и занимался ученьемъ только въ свободные часы. Когда ему исполнилось 16 лѣтъ, умерла Ирина Савишна, а черезъ годъ послѣ нея скончался и Семенъ Ивановичъ. Передъ смертью онъ завѣщалъ Гришѣ небольшую сумму денегъ. Гриша употребилъ эти деньги для того, чтобы окончить свое образованіе и, черезъ 3 года послѣ смерти старика, записался въ число студентовъ медико-хирургической академіи. Многіе, вѣроятно, догадаются, почему онъ избралъ себѣ именно докторскую, а не другую дѣятельность. Онъ это сдѣлалъ въ память о маленькой подругѣ своихъ дѣтскихъ лѣтъ. Его долго преслѣдовала мысль о томъ, что Анка была бы жива, если бы искустный докторъ началъ во время лечить ее, и онъ рѣшился сдѣлаться такимъ докторомъ, чтобы спасти многихъ людей отъ той печали, какую самъ онъ испыталъ на могилѣ любимаго ребенка. Мы уже видѣли, какъ успѣшно выполнилъ онъ это рѣшеніе.

А. Анненская.

ЕЛКА.

I.

Одна изъ окраинъ столицы, не отличающаяся богатыми постройками, такъ называемая Петербургская сторона, изобилуетъ множествомъ улицъ, тянущихся между заборами и ветхими деревянными домиками, терпѣливо ожидающими того, быть можетъ, неблизкаго времени, когда хозяева продадутъ ихъ на сносъ и на мѣстѣ ихъ воздвигнутъ большіе каменные дома. Только врядъ-ли настоящіе владѣльцы этихъ домиковъ когда-либо серьезно подумывали о постройкѣ каменныхъ палатъ.

Населеніе такихъ глухихъ улицъ по большей части состоитъ изъ отставныхъ чиновниковъ, мастеровыхъ и простыхъ рабочихъ, проводящихъ дни на близь лежащихъ фабрикахъ, и изъ многочисленныхъ семействъ этого класса людей. Изрѣдка лишь попадаются болѣе нарядные домики, иногда даже каменные, въ которыхъ живутъ хозяева фабрикъ, управляющіе, конторщики и прочій болѣе зажиточный людъ.

По одной изъ такихъ улицъ, прилегающей къ Большой Невѣ и проходящей у задней стѣны большой механической фабрики, зимою, въ свѣтлый вечеръ рождественскаго сочельника шелъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. На дворѣ было холодно. Морозъ не на шутку разгулялся и торопилъ рѣдкихъ прохожихъ, угрожая имъ заморозить лицо и плохо обутыя ноги. Миша, такъ звали мальчика, повидимому, не обращалъ никакого вниманія на морозъ и только изрѣдка потиралъ себѣ уши, высунувшіеся изъ подъ короткаго, полуистертаго барашковаго воротника. По временамъ лишь онъ пріостанавливался при видѣ катка, образовавшагося вслѣдствіе того, что десятка два ребятъ проѣхались своими потертыми подошвами по застывшей лужѣ, и разбѣжавшись предварительно, скользили по гладкой ледяной поверхности. Темный фонъ неба весь былъ усѣянъ множествомъ ярко блестящихъ звѣздъ,

испускавшихъ мягкій, хотя и холодный, свѣтъ на яркій бѣлый снѣгъ, которымъ было покрыто все: и пешірокая улица, и покачнувшіеся на сторону заборы, и домики, изъ оконъ которыхъ виднѣлся ровный свѣтъ догоравшихъ огарковъ, и вѣтви деревьевъ, повисшія подъ тяжестью своего нарядпаго зимняго убора. Вѣтра не было, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Хрустѣніе это, самая картина чудной почи и сознаніе, что время теперь праздничное—все это придавало особую веселость и безъ того никогда не унывавшему Мишѣ. Но вотъ дошелъ онъ до угла, гдѣ долженъ былъ своротить въ другую, почти такую же улицу, и тутъ на первыхъ же шагахъ ему бросился въ глаза небольшой двухэтажный домъ, изъ оконъ котораго щедро лился свѣтъ на улицу, и куча ребятишекъ и взрослаго народа, посматривавшихъ съ довольными лицами въ окно нижняго этажа. Тутъ жилъ хозяинъ фабрики, на которой работалъ Мишинъ отецъ. Толпа народа глазѣла въ окно на богато убранную елку, блеставшую множествомъ огней, вокругъ которой бѣгали и приплясывали въ конецъ развеселыя дѣти. По личикамъ дѣтей видно было, что они довольны—предовольны и вполнѣ поглощены испытываемымъ ими удовольствіемъ. Ребята, стоявшіе на улицѣ, повидимому, вполнѣ раздѣляли ихъ удовольствіе; дрожа въ дырявыхъ пальтишкахъ и старыхъ кацавейкахъ, они весело перекидывались своими замѣчаніями насчетъ предметовъ, наиболѣе поражавшихъ ихъ вниманіе.

— Гляди, Васютка—выкрикивалъ лѣтъ осьми мальчикъ другому, стоявшему отъ него поодаль.—Гляди, какіе звѣри!...—при этомъ онъ указалъ рукой на размалеванные пряники, представлявшіе собою слоновъ, тигровъ и другихъ невиданныхъ ими животныхъ.

— Что на нихъ глядѣть, важно замѣтилъ Васютка, мальчикъ года на три постарше кричавшаго, всей своей особой ушедшій въ тятькинъ тулупъ.—Ты бы,—продолжалъ онъ,—посмотрѣлъ настоящихъ звѣрей, такъ то другое дѣло.

— А ты видѣлъ?

— Конечно, видѣлъ.

— А гдѣ?

— Да въ прошломъ году съ теткой на балаганы ходили, еще она свою соплявую Катьку брала. Ну, тамъ и видѣлъ.

— Погрѣй, Васютка,—просился къ нему въ тулупъ съёжившійся отъ холода Ваня, чуть ли не младшій изъ всей компаніи.

На этомъ смолкла рѣчь Вани, широкіе полы тулупа распахнулись и въ нихъ исчезъ дрожавшій Ваня. Говоръ въ толпѣ все время не стихалъ, тамъ идутъ росказни и слышатся восклицанія, вызванныя видомъ праздника, въ другомъ мѣстѣ озябшіе начинаютъ возиться, причемъ стороны похваляются силой.

— Я вотъ-те въ самую—канаву усажу, кричитъ одинъ.

— Ты-то? А забылъ, какъ намедни подо мною плашмя лежалъ. Небось, сегодня еще захотѣлъ! Невыдержавшій хвастунъ бросается на своего противника и начинается возня, продолжающаяся и на снѣгу, въ который свалились оба борца. Борятся весело, веселыми рѣчами перекидываются дѣти и самый внимательный наблюдатель не замѣтитъ въ нихъ, продрогшихъ отъ холода, ни малѣйшей зависти къ тѣмъ дѣтямъ, что веселятся въ комнатѣ, вокругъ богатой ёлки. Русскій человѣкъ вообще не завистливъ,—живя въ бѣдности, онъ все-таки вполнѣ терпимо и безъ злобы относится къ богатому сосѣду, если только сосѣдъ этотъ его чѣмъ-нибудь не обидитъ; подчасъ и обиду забудетъ по своей незлобивости и природной добротѣ. Дѣти въ этомъ отношеніи даже превосходятъ взрослыхъ; ихъ занимаютъ невиданные ими предметы, но нисколько не тревожитъ мысль объ обладаніи ими, имъ весела чужая радость, къ которой они относятся съ полнымъ сочувствіемъ.

Миша подошелъ къ веселой компаніи и присоединился къ глазѣвшимъ на дѣтскій праздникъ. Видъ этого праздника произвелъ на него такое-же впечатлѣніе, какъ и на прочихъ дѣтей, толпившихся подъ окномъ; онъ высматривалъ новые для него предметы, любовался огоньками, привѣтливо блестѣвшими на ёлкѣ, ощущалъ полное удовольствіе и до такой степени былъ пораженъ общимъ эфектомъ ёлки, что тогда только вспомнилъ, что пора бѣжать домой, когда уже порядкомъ продрогъ.

II.

Подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго, весело прибѣжалъ Миша домой, въ небольшую квартирку одного изъ небольшихъ

деревянныхъ домиковъ на той же улицѣ, гдѣ жилъ фабрикантъ, и сейчасъ-же за ужиномъ, за которымъ засталъ уже всю семью, сталъ передавать свои впечатлѣнія.

— Какой у насъ тутъ въ улицѣ праздникъ!—началъ онъ весело, не замѣчая грустнаго настроенія всей семьи.—Въ томъ домѣ, что не доходя пустой улицы, во всѣхъ окнахъ свѣтъ! На ёлочкѣ свѣчки горятъ, гостинцы понавѣшены, игрушки разныя. Кругомъ дѣтокъ тьма и гостей,—все веселыя, да нарядныя такія. Съ нашей улицы чуть не всѣ мальчики собрались, да и большихъ парней много.

— Это значитъ, у твоего хозяина,—замѣтила мать, еще молодая, но истомленная работой и заботами женщина.

— Коли въ каменномъ, надо быть у него,—отвѣчалъ пасмурно отецъ.

Семья, къ которой принадлежалъ Миша, состояла изъ четырехъ человѣкъ: отца, который былъ слесаремъ и работалъ на фабрикѣ, человѣка лѣтъ тридцати пяти, съумѣвшаго своей честностью и трудолюбіемъ заслужить себѣ уваженіе какъ своихъ товарищей по работѣ, такъ и самаго хозяина; матери, женщины еще довольно молодой, которой приходилось цѣлый день управляться по дому и возиться съ маленькой дочкой, причемъ она успѣвала еще брать кое-какую работу со стороны; Миши и младшей его сестры Маши, хорошенькой шестилѣтней дѣвочки.

Петръ Герасимовъ, отецъ Миши, въ дѣтствѣ обучался своему мастерству у заѣзжаго нѣмца, слесаря, который имѣлъ въ городѣ свою мастерскую; сдѣлавшись подмастерьемъ, онъ еще года два проработалъ у него, а потомъ перешелъ на фабрику на Выборгской сторонѣ, женился тутъ на бѣдной сиротѣ, которая жила у своей тетки и по цѣлымъ днямъ занималась шитьемъ. Все выработываемое ею она отдавала теткѣ и та все таки находила, что дѣвка у нея на шеѣ сидитъ и даромъ ея хлѣбъ ѣстъ. Не красное было житье молодой дѣвушки: тяжелый трудъ приправляли ей вѣчными попреками и руганью. Тетка ея была, что называется, бой-баба; выпивъ лишнее въ веселой компаніи, гдѣ она между прочимъ разсказывала, какъ она облагодѣтельствовала свою сироту-племянницу, она возвращалась домой и на этой сиротѣ вымѣщала всѣ свои неудоволь-

ствія. Бѣдной Машѣ приходилось много терпѣть: незаплатитъ во время квартирантъ теткинъ ей за квартиру, она не въ духѣ и, глядишь, придерется за что-нибудь къ племянницѣ; подъ пьяную руку, случалось, и бивала бѣдную Машу. Дѣвушка все терпѣла, потому что давно уже жила у тетки и съ дѣтства привыкла къ ея обращенію. Да и куда ей было идти; у нея не было, что называется, ни кола, ни двора, знакомыхъ тоже никакихъ, потому что и работу большею частью брала сама тетка. Петръ Герасимовъ познакомился съ ея теткой на имяниныхъ однаго изъ своихъ пріятелей, зашелъ къ ней по ея приглашенію и съ перваго же раза понялъ, что она его звала неспроста, а съ цѣлію женить на своей племянницѣ. Бѣдная дѣвушка ему понравилась и онъ женился на ней. Оба ничего не имѣвшіе, они должны были много роботать, чтобы уплатить деньги, которыя Петръ занялъ для перваго обзаведенія. Машѣ нравился ея мужъ; ей пришелся по праву его характеръ, да и собой онъ былъ мужчина видный. Сильный, трудолюбивый Петръ съумѣлъ вскорѣ расквитаться съ долгами и зажили они спокойно, любя другъ друга. Одно только смущало его: Маша сохранила на себѣ слѣдъ забитости, отъ котораго не могла отдѣлаться во всю жизнь. Не глупая отъ природы, она до такой степени привыкла подчиняться чужой волѣ, что совсѣмъ почти потеряла свою.

Спустя годъ послѣ свадьбы, родился у нихъ сынъ, Миша, которымъ и до сихъ поръ гордится отецъ. Съ рожденіемъ втораго ребенка, семья уже значительно возрасла и стала требовать больше средствъ, да къ тому же дѣти много мѣшали матери заниматься работой. Рабочая плата на фабрикѣ хотя и повысилась, но еще кромѣ того все значительно вздорожало, такъ что, не смотря на то, что Мишинъ отецъ, какъ хорошій работникъ, получалъ самое высокое жалованье, какое только было на фабрикѣ, средствъ этихъ едва хватало только на самое необходимое. Когда хозяинъ фабрики умеръ и распоряжаться сталъ другой, Петру сдѣлалось еще тяжелѣе: работы были увеличены, а жалованье даже нѣсколько понижено. Онъ перешелъ тогда на другую фабрику, на Петербургской сторонѣ, гдѣ и живетъ съ тѣхъ поръ.

Въ день, о которомъ идетъ рѣчь, приходилось оканчивать большой заказъ; измученный работой и придиркой нѣмца-мастера,

Петръ былъ не въ духѣ съ самаго обѣда, а тутъ къ вечеру еще объявили, что къ празднику расчета не будетъ, а за деньгами, говорятъ, надо приходить не раньше перваго числа, а тутъ, было, пообѣщали дать половину жалованья къ Рождеству. Пообѣщать пообѣщали, а дать не дали. Рабочій человѣкъ всегда нуждается въ деньгахъ, а коли разсчитываетъ получить, да обсчитается, тутъ ужъ дѣло выходитъ совсѣмъ не ладнымъ.

Дурное положеніе Петра, заставившее также и другихъ понурить голову, подѣйствовало и на Мишу. Веселость его, а съ нею вмѣстѣ и болтливость прошли, такъ что онъ вышелъ изъ за стола совершенно сосредоточеннымъ, хотя и не зналъ причины грусти всей семьи. Улегшись спать на своемъ жесткомъ матрасѣ, который раскладывался на ночь въ кухнѣ, на большомъ сундукѣ, онъ снова сталъ припоминать впечатлѣнія елки. Раздумывая о видѣнномъ, Миша рѣшилъ на дняхъ же устроить нѣчто подобное, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, для своей сестренки; ему уже стало ясно представляться по срединѣ ихъ комнаты небольшое деревцо на крестообразной подставкѣ, увѣшанное пряниками, золотыми орѣхами, съ горящими свѣчами и веселая—превеселая сестра Маша, скачущая вокругъ елки, въ ожиданіи, когда онъ, ея старшій братъ, надѣлитъ ее разными гостинцами. Отецъ и мать представляются ему веселыми, не такими, какъ они были за ужиномъ; мать поетъ пѣсню и отецъ ей подтягиваетъ; елка принимаетъ все болѣе и болѣе грандіозные размѣры и превращается въ его воображеніи въ такую, какую онъ видѣлъ въ каменномъ домѣ. Въ это время Миша уже спалъ, грезы долго тревожили его сонъ; но вотъ возникшіе предъ нимъ образы стали по-немногу стушевываться и наконецъ онъ заснулъ тѣмъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ, которымъ спятъ только молодые и много работающіе люди.

III.

Квартира, которую занимало семейство Петра, находилась въ нижнемъ этажѣ небольшаго деревяннаго дома, построеннаго на каменномъ фундаментѣ. Фундаментъ былъ на столько высокъ, что въ немъ помѣщался подвальный этажъ, раздѣленный на двѣ половины; каждая половина состояла изъ довольно обширныхъ

сѣней и двухъ небольшихъ квартирокъ. Въ одной изъ такихъ квартирокъ жило семейство Петра. Все помѣщеніе ихъ состояло изъ небольшой комнаты, оклѣенной свѣтлыми обоями различныхъ тѣней и узоровъ, и кухни, которая отчасти была также жилымъ помѣщеніемъ. Позднее зимнее утро застало членовъ семьи уже на ногахъ. Матери хотѣлось для праздника пораньше убраться; она то и дѣло перебѣгала изъ комнаты въ кухню, и обратно. Большой, почернѣвшій отъ копоти, мѣдный кофейникъ, стоялъ въ комнатѣ на столѣ и испускалъ изъ себя густой бѣлый паръ. Тутъ же на столѣ были разставлены разнокалиберныя чашки, стеклянная сахарница и небольшой горшечекъ со сливками; остатки вчерашняго хлѣба дополняли эту картину.

Наконецъ зашевелились и дѣти. Первымъ проснулся Миша, вскочилъ было съ постели, но потомъ снова быстро завернулся въ свое ситцевое, сшитое изъ пестрыхъ лоскутьевъ, одѣяло. Плита еще не топилась и въ кухнѣ было не болѣе десяти градусовъ. Окна сплошь были покрыты ледяными узорами, сквозь которые пробивались яркіе лучи солнца, успѣвшаго уже подняться довольно высоко. Миша всталъ и поднялъ сестру. Вскорѣ вся семья сидѣла уже за столомъ и отогрѣвалось горячимъ кофе. Утро всѣхъ пріободрило, каждому предстояло какое-нибудь дѣло. Отцу нужно было идти къ знакомому прикащику, перехватить сколько нибудь денегъ; матери — бѣжать въ лавку за провизіей и приниматься за стряпню; Мишѣ — принести воды и дровъ; маленькой Машѣ — мыть чашки. Накинувъ на плечи свое пальтишко, Миша выскочилъ на дворъ и принялся за работу. Вчерашнія думы снова кружились у него въ головѣ.—Хорошо сдѣлать елку, раздумывалъ онъ, да гдѣ денегъ взять, а ихъ, поди, нужно не мало. У отца лучше и не спрашивай, потому что тотъ сразу скажетъ: глупое затѣялъ, баловство одно. Миша рѣшилъ пріобрѣсти нужные ему капиталы какой нибудь работой.—Вѣдь заработываетъ отецъ деньги, размышлялъ онъ, почему же и мнѣ не заработать; теперь ужъ я, слава Богу, не маленькій.

Окончивъ носку воды и дровъ, принарядившись для праздника въ повую рубашку, Миша отправился въ сосѣднія лавки справиться о стоимости всего, что по его мнѣнію необходимо было купить на елку. Въ первой же лавкѣ онъ убѣдился, что

ему понадобится денегъ не менѣе рубля; обстоятельство это его слишкомъ опечалило, гдѣ же ему достать такую сумму! Огорченный вышелъ онъ изъ лавки и остановился тутъ у цѣлаго лѣса разставленныхъ елокъ. Мальчикъ изъ лавки продавалъ какой-то старушкѣ елку, но только они никакъ не могли сойтись въ цѣнѣ. Наконецъ, елка была пріобрѣтена старушкой и она обратилась къ Мишѣ съ просьбой, донести ей покупку домой.

— Тебѣ, кажись, дѣлать нечего, снеси-ко мнѣ, родименькій, елочку домой.

Миша взвалилъ деревцо на плечо, просунулъ голову чрезъ вѣтви, такъ, чтобы иглы не кололи лицо, и вмѣстѣ со старушкой отправился къ ней на домъ.

— Ты, бабушка, кому это будешь дѣлать елку? — спросилъ онъ ее, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Да внукамъ, мой миленькій? Оба они у меня, послѣ матери остались маленькіе, старшему о Покровѣ всего шесть годковъ минуло, а другой еще меньше. Вотъ и вздумала я, старая, ребятокъ позабавить; одно мнѣ въ нихъ утѣшеніе и осталось. А ты чей?

— Тятенька мой на фабрикѣ слесаремъ, а мать дома живетъ.

Продолжая разговаривать, дошли они до дома старушки, взошли чрезъ небольшую покосившуюся калитку на дворъ, поднялись на невысокое крыльцо и очутились въ сѣняхъ квартиры, въ которой жила бабушка со своими внучатами.

— Елку-то поставь здѣсь, Миша,—обратилась къ нему старушка, успѣвшая въ разговорѣ узнать уже его имя. — Да иди въ горницу, кофейкомъ погрѣйся.

Миша вошелъ въ небольшую, чисто убранную комнату. При самомъ внимательномъ осмотрѣ, нигдѣ тутъ нельзя бы было замѣтить грязи или пыли. Старенькая мебель была покрыта, какъ снѣгъ, бѣлыми чехлами, на стѣнкахъ висѣли литографіи въ рамкахъ, тщательно обметенныхъ отъ пыли, должно быть заботливою рукою хозяйки. Чистыя кисейныя занавѣски, цвѣты на окнахъ и теплящаяся предъ образомъ лампадка, придавали особенно веселый и мирный видъ этому тихому пріюту старости. А ужъ много лѣтъ было старушкѣ; лицо ея все было покрыто морщинами, рѣдкіе волосы отливали серебромъ, но сама она была еще бодрая, живая.

— Ты войди вотъ сюда, въ эту горницу,—говорила она, указывая на дверь;—моихъ ребятъ посмотри, а я покуда провизію разберу, да кофеекъ заварю. Небось, вода давно уже кипитъ на плитѣ.

Миша вошелъ въ отворенную ему хозяйкой дверь и увидѣлъ уже знакомыхъ ему по разсказу двухъ мальчиковъ, которые, сидя у стола, нарѣзывали длинныя ленты изъ лежавшей передъ ними цвѣтной бумаги. Въ комнатѣ было тихо, дѣти были погружены въ свое занятіе и сначала не замѣтили появленія постороннаго.

— Ты кто?—обратился къ нему съ вопросомъ старшій, когда услышалъ его шаги.

— Съ бабушкой твоей пришелъ, елку принесъ,—отвѣчалъ Миша.

При этихъ словахъ, дѣти разомъ бросились къ старухѣ и стали осыпать ее вопросами о покупкахъ, и просить показать елочку.

Когда елка была показана, все общество усѣлось за завтракъ и затѣмъ, покушавъ, Миша сталъ прощаться съ новыми своими пріятелями и съ ихъ бабушкой. Старушка проводила его до передней и тутъ, вытащивъ изъ кармана два пятака, сунула ихъ Мишѣ въ руку.

– Да зачѣмъ это, бабушка, – говорилъ онъ.—Мнѣ услужить тяготы никакой нѣтъ

— Бери, дитятко, въ этомъ дурного нѣтъ, потому за работу берешь! Мои внучата повеселятся, повеселись и ты; купи себѣ для праздника гостинцевъ, да и братьевъ, коли есть, не обдѣли.

— Братьевъ у меня нѣтъ, а только одна меньшая сестра.

— Ну, все равно, ее угости. Свое брать не стыдно, а деньги эти ты заработалъ. Мнѣ все равно пришлось бы ихъ платить, не тебѣ, такъ другому.

Миша взялъ деньги, поблагодарилъ старушку и отправился домой.

Вотъ не думалъ, не гадалъ, размышлялъ онъ, а гривенникъ уже и заработалъ Пойти развѣ мнѣ на рынокъ, да и носить кому нужно, что подъ силу. Какъ наработаю рубль, всего накуплю сестрѣ. Не долго думая, своротилъ онъ въ сторону и чрезъ полчаса стоялъ уже у рынка, предлагая свои услуги покупающимъ

елки. Нѣкоторые захватывали покупки сами, другіе нанимали извощиковъ, инымъ, жившимъ по близости, лавочники обѣщали прислать ихъ покупки на домъ со своими мальчиками. Наконецъ нашлась и Мишѣ работа. Нужно было какой-то женщинѣ снести къ ней на домъ купленную ею кадку. Кадка была такъ тяжела, что Мишѣ пришлось много трудиться, пока онъ покупку доставилъ на домъ. За труды онъ получилъ цѣлый пятіалтынный, что вмѣстѣ съ бывшимъ у него гривенникомъ составляло уже двадцать пять копѣекъ, т.-е. четверть всей суммы, которая по его исчисленію, необходима была для устройства всей елки. Представляя себѣ веселый видъ праздника и обрадованную сестренку, Миша готовъ былъ снова отправиться на рынокъ. Но было уже поздно, да и морозъ давалъ себя знать. Бодро прибѣжалъ онъ домой, почти къ самому обѣду, и никому ни слова не сказалъ о своихъ затѣяхъ, желая поразить своихъ неожиданностью.—То-то удивятся они, думалъ онъ, какъ принесу я, наконецъ, домой елку, да узелокъ съ гостинцами и свѣчками. Мама-то и не повѣритъ сразу, что я столько денегъ заработалъ.

Послѣ обѣда вся семья отправилась въ гости къ старой теткѣ, которую они по праздникамъ изрѣдка навѣщали. Вечеромъ, ложась спать, Миша рѣшилъ завтра пораньше отдѣлаться отъ работъ по дому и снова отправиться на свои заработки.

IV

Всѣ праздники, стояла отличная зимняя погода. Миша въ теченіе уже нѣсколькихъ дней посѣщалъ рынокъ и предлагалъ свои услуги покупателямъ. Не всегда ему везло; приходилось иногда часа по два стоять въ ожиданіи какого-нибудь порученія, но тѣмъ не менѣе сегодня, какъ разъ наканунѣ новаго года, онъ возвращался домой вполнѣ довольный и счастливый: имъ уже было заработано рубль тридцать копѣекъ—сумма, которой, по его разсчетамъ, было достаточно, не только на сооруженіе елки, но изъ которой можно было кое-что удѣлить и на покупку подарка сестрѣ.

— Мамочка!—чуть-ли не вскричалъ онъ, переступивъ порогъ кухни, въ которой мать, какъ всегда, подъ вечеръ, занималась приготовленіемъ ужина.—Мамочка, что ты такая не веселая? Знаешь,

что я надумалъ: сдѣлаемъ Машѣ елку, гостинцевъ накупимъ, весело будетъ!

— Что ты выдумалъ, какая тутъ елка? Не знаешь развѣ, что отецъ лишняго не получаетъ; его заработка еле на хлѣбъ хватаетъ.

— Нѣтъ, мамочка, ты не сердись. Я знаю, что у тебя денегъ на баловство нѣтъ. Елку я хочу самъ сдѣлать, на свои деньги.

— Откуда они у тебя?

— Откуда? Заработалъ.

Тутъ Миша подробно разсказалъ матери о томъ, какъ онъ задумалъ повеселить сестру, какъ затруднялся пріобрѣтеніемъ денегъ, о старушкѣ, предложившей ему работу, и о дальнѣйшемъ своемъ хожденіи на рынокъ.

Мать сначала удивлялась, но потомъ освоилась съ мыслью сына и стала даже давать ему совѣты, какъ, гдѣ и что можно купить дешевле.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, пришелъ домой и отецъ, на этотъ разъ совсѣмъ насмурный, и съ первыхъ же словъ объявилъ, что ихъ на фабрикѣ надули, что и сегодня разсчетъ не сдѣлали.

— Говорятъ,—началъ онъ,—денька два-три подождать надо. А какъ тутъ безъ хлѣба народъ ждать будетъ. Съ насъ хоть лавочникъ лишнее и сдеретъ, да все въ долгъ повѣритъ, а другимъ каково! Да и ужъ я и не знаю—что дѣлать. Сегодня обѣщалъ за прошлый мѣсяцъ заплатить, да стараго долга рубля три, еще опять Ивану Дмитричу,—теперь придется по неволѣ надуть. Въ лавку совѣстно будетъ и показаться.

— Да,—заявила мать,—еще вчера лавочникъ меня спрашивалъ о деньгахъ. Я сказала, что сегодня получимъ и принесемъ ему.

— Жди, принесемъ. Нашему хозяину, чѣмъ гостей называть къ себѣ каждую недѣлю, да праздники ребятамъ дѣлать, лучше бы подумать о рабочемъ человѣкѣ, которому, по его милости, подчасъ ѣсть нечего.

Миша, присутствуя при этомъ разговорѣ, забылъ о своихъ планахъ и теперь только, когда отецъ упомянулъ о дѣтскомъ праздникѣ, вспомнилъ, что и онъ готовитъ ёлку. Ему сдѣлалось совѣстно, что онъ думалъ объ удовольствіи, когда на его семью налегла нужда.

— Тятенька, я тебѣ далъ денегъ. Возьми ихъ,—говорилъ онъ, протягивая къ отцу руку со своимъ сокровищемъ

— У тебя деньги! Какія деньги, откуда они взяты?

Мишѣ пришлось снова повторить разсказъ о своихъ похожденіяхъ. По мѣрѣ того, какъ подвигалось его повѣствованіе, лицо отца оживлялось радостью и подъ конецъ онъ ласково потрепалъ сына по плечу и сказалъ, что изъ него «выйдетъ добрый малый».

— На деньги твои,—добавилъ Петръ,—многаго на сдѣлаешь, а все-таки дня два сыты будемъ. Спасибо сынъ, выручилъ. Теперь и лавочнику кланяться, быть можетъ, не придется.

— Съ этими деньгами,—улыбаясь говорила мать,—я всѣ три дня обойдусь. А Машѣ, какъ получимъ, я платокъ куплю. Пусть носитъ за Мишино здоровье.

Миша чувствовалъ себя на верху блаженства. Выработанныя имъ деньги пригодились семьѣ, которую онъ выручилъ въ трудныя для отца минуты. Безъ нихъ пришлось бы плохо.—Я, думалъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ не маленькій, пора и мнѣ заработывать копѣйку, все бѣдному отцу будетъ полегче. Въ головѣ у него уже роились планы, какъ онъ постоянно будетъ помогать своимъ и какъ это весело будетъ. Онъ тутъ же рѣшилъ, что будетъ ходить къ сосѣду переплетчику, выучится у него клеить коробочки, цимбалы со стеклышками и будетъ продавать свои произведенія. Планы разростались въ маленькой головкѣ и его богатая дѣтская фантазія разыгралась не на шутку. Онъ представлялъ себѣ въ углу кухни цѣлую коробочную мастерскую, массу картона, цвѣтной бумаги, цѣлыя связки бордюровъ; готовыя коробки стояли на особой полкѣ, которую онъ придѣлалъ къ стѣнѣ.

Мечтамъ Миши суждено было осуществиться, хотя и не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ. Дѣйствительно, сосѣдъ переплетчикъ, переговоривъ предварительно съ его отцомъ, согласился допустить его къ посѣщенію своей мастерской, такъ что чрезъ полгода Миша уже выучился изрядно клеить, и сталъ работать дома, сбывая свои произведенія въ кондитерскую, въ которую его рекомендовалъ его наставникъ. Выработанныя деньги, онъ частью отдавалъ отцу, частью же тратилъ на покупку матеріала и коекакихъ вещей для себя и сестры. Мать радовалась на сына, со-

сѣди его хвалили, только отецъ подчасъ говаривалъ, что пора бы Мишѣ начать и въ школу ходить, выучиться грамотѣ.

— Вотъ, какъ справлюсь маленько съ деньжонками, надо будетъ зайти въ школу, да потолковать объ этомъ съ учителемъ.

— Покуда еще рано, а вотъ осенью сходи,—говорила мать,—теперь, все одно, ученье скоро кончится.

На дворѣ въ самомъ дѣлѣ стояла весна. Снѣгъ хотя и покрывалъ улицу, но такъ потемнѣлъ, и такъ часто былъ изрѣзанъ канавками, по которымъ вода стекала къ краямъ улицы, что почти навѣрное можно было сказать, что недѣли черезъ двѣ-три отъ него не останется и слѣда. Солнце всходило уже рано и высоко поднималось къ полудню; теплые лучи его, весьма ощутительно грѣли. По всему было видно, что скоро будетъ совсѣмъ тепло и на деревьяхъ появятся почки.

Миша работалъ особенно усердно; къ вербамъ и Свѣтлому празднику онъ готовилъ множество коробокъ, домиковъ, яичекъ, самыхъ различныхъ размѣровъ.

V.

Время приближалось къ празднику, проходили послѣдніе дни вербной недѣли. Къ вечеру, въ одинъ изъ такихъ веселыхъ дней, которые совершенно походятъ на лѣтніе, Миша, распродавъ уже большую часть наготовленныхъ имъ вещей, возвращался домой съ корзинкой, въ которой изъ всего взятаго имъ утромъ товара, оставалось не болѣе трехъ изящныхъ коробокъ и съ полдесятка красивыхъ, оклеенныхъ шелковыми лоскутками яичекъ. Онъ теперь былъ, что называется, мастеромъ своего дѣла; изготовленныя имъ вещи были чисто отдѣланы и отличались вкусомъ. Немудрено, что при невысокой цѣнѣ, товаръ его хорошо расходился. Дорогой, отъ самаго гостинаго двора, слѣдовалъ за нимъ мужчина средняго роста, лѣтъ тридцати, одѣтый весьма просто. Миша уже шелъ съ четверть часа, незнакомецъ все отъ него не отставалъ; наконецъ онъ его догналъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, изъ котораго оказалось, что незнакомецъ живетъ по сосѣдству съ Мишей, въ школѣ, и занимается обученіемъ дѣтей. Миша разсказалъ ему о своихъ занятіяхъ, о томъ, какъ ему пришло на мысль самому работать и какъ теперь онъ

доволенъ, что сдѣлался полезнымъ членомъ семьи. Учитель изъявилъ желаніе купить у него одну изъ оставшихся коробокъ и просилъ его по дорогѣ зайти къ нему на квартиру, гдѣ полагалъ расчитаться съ нимъ, такъ какъ всѣ, взятыя имъ изъ дому, деньги, онъ истратилъ на различныя покупки, которыя теперь несъ домой.

Идти вдвоемъ гораздо веселѣе, чѣмъ одному; разговоръ, занимавшій обоихъ, значительно сокращалъ дорогу. Почти незамѣтно для нихъ они подошли къ школѣ, гдѣ жилъ учитель, и вскорѣ Миша вмѣстѣ со своимъ новымъ другомъ исчезли за скрипѣвшей имъ въ слѣдъ калиткой.

Помѣщеніе школы состояло изъ трехъ комнатъ съ передней и кухней: двѣ, предназначенныя для классовъ, были уставлены скамьями для учениковъ; въ каждой изъ этихъ комнатъ на треногомъ станкѣ стояла черная доска, на которой ученики во время уроковъ писали мѣломъ; по стѣнамъ висѣли рисунки и карты, предъ скамьями стоялъ столъ и стулъ для учителя. Въ третьей комнатѣ, расположенной въ сторонѣ, ходъ въ которую былъ прямо изъ передней, жилъ учитель.

Кухня служила постояннымъ мѣстопребываніемъ училищнаго сторожа, который въ то-же время прислуживалъ учителю; въ передней, по стѣнамъ прикрѣплены были вѣшалки, на которыхъ ученики оставляли зимою свое верхнее платье. Комната учителя была просторная, веселая; убрана она была совсѣмъ запросто. Хозяинъ, уплативъ слѣдующія Мишѣ деньги, пригласилъ его остаться и напиться съ нимъ чаю. Вскорѣ на столѣ появился самоваръ, принесенный сторожемъ, Максимомъ, человѣкомъ лѣтъ почтенныхъ, котораго всѣ дѣти уважали, а шалуны даже слегка побаивались.

На самомъ дѣлѣ Максимъ Семенычъ былъ старикъ добрый, любилъ ребятъ и если подчасъ и ворчалъ на шалуновъ, то дѣлалъ это, какъ онъ самъ выражался, больше для острастки.

— Нельзя безъ этого,—говаривалъ онъ,—народъ у насъ буйный; молчи, такъ такого натворятъ, что хоть святыхъ выноси.

За чаемъ учитель, замѣтившій уже, что Миша мальчикъ смышленый, спросилъ его, отчего онъ до сихъ поръ не ходилъ въ школу.

— Тятенька давно уже объ этомъ поговариваетъ, да вотъ

съ деньгами не можетъ собраться; говоритъ, съ осени, Богъ дастъ, поправимся, тогда и отдамъ тебя въ школу.

—Ну вотъ и хорошо. А теперь покуда, —продолжалъ учитель, — ты по вечерамъ заходи ко мнѣ, я тебѣ кое-что покажу, такъ что тебѣ осенью уже легче будетъ. Ты самъ-то хочешь учиться?

—Какъ не хотѣть? Хочу.

—Такъ вотъ и приходи.

—У насъ въ школѣ весело,—продолжалъ онъ, —какъ придешь, я тебѣ чучелки разныхъ звѣрей покажу, разскажу, какъ они живутъ, что ѣдятъ, картины будемъ смотрѣть.

—Скажите, Иванъ Сергѣичъ,—обратился къ учителю—Миша, отчего одни звѣри лютые, а другіе нѣтъ?

—Лютыми или хищными животными называютъ такихъ, которые питаются мясомъ другихъ животныхъ. Они это дѣлаютъ потому, что желудокъ ихъ такъ устроенъ, что требуетъ мясной пищи. У нихъ все къ этому приспособлено: и ноги, и зубы, и силой они обладаютъ большой, потому что иначе они не могли бы побѣждать другихъ...

Разсказъ учителя заинтересовалъ Мишу, такъ что онъ обѣщалъ съ перваго же дня страстной недѣли посѣщать своего новаго наставника. Петръ Герасимовъ, узнавъ отъ сына за ужиномъ объ его новомъ знакомствѣ, одобрилъ его намѣреніе. Мишу смущало только то обстоятельство, что осенью,съ началомъ классовъ въ школѣ, ему придется если не вовсе отказаться отъ своей работы, то во всякомъ случаѣ значительно ее сократить. Объ этомъ въ одно изъ своихъ посѣщеній ИванаСергѣича онъ завелъ съ нимъ разговоръ.

—Учиться мнѣ у васъ, Иванъ Сергѣичъ, весело. За эти дни я узналъ много такого, чего бы дома не зналъ еще долго; тятенька тоже радъ, что я хожу къ вамъ. Только меня смущаетъ, что какъ начну я ходить осенью въ школу, то нельзя мнѣ будетъ дома своей работой заниматься. А я вѣдь, хоть еще и не большой, а все-таки въ семьѣ своей работникъ. Безъ меня имъ опять трудно станетъ жить.

—Вижу я, Миша, ты мальчикъ разсудительный, такъ вотъ и подумай: теперь ты почти цѣлые дни сидишь за работой, свои коробки клеишь, ну а великъ ли твой заработокъ? Кромѣ того, что я считаю самымъ важнымъ, живя такъ, ты выростешь боль-

шой и никакого дѣла не будешь умѣть путемъ дѣлать. Подумай, какъ жила бы вся твоя семья, если-бы твой отецъ только и умѣлъ-бы, что коробки клеить? Были бы вы всѣ сыты? Съ работы придя вечеромъ домой и по праздникамъ, что твой отецъ дѣлаетъ? Ты говорилъ, что онъ или дома кое-какой починкой занимается, или книжку читаетъ. А ты знаешь, что дѣлаетъ большинство такихъ, что читать не умѣютъ? Идутъ въ кабакъ, допьяна напиваются, потому что у нихъ въ винѣ все веселье; другаго имъ развлеченія нѣтъ. Голова тупѣетъ отъ этого, здоровье разстраивается и, Боже мой, сколько несчастій происходитъ! Ты самъ знаешь, какъ живетъ здѣсь большинство мастеровыхъ: половина жалованья пропивается, семьи живутъ въ нищетѣ, дома драки, плачъ. Ну, а у тебя въ семьѣ, ты самъ говорилъ, такихъ безобразій не бываетъ, потому-что твой отецъ съ дѣтства былъ кое-чему ученъ. Голова его настолько просвѣтлена образованіемъ, что онъ не пойдетъ по кабакамъ время убивать, а найдетъ себѣ развлеченіе другое, которое будетъ въ то же время для него полезно. Опять таки, когда ты поучишься въ школѣ, тебя можно будетъ къ хорошему мастеру отдать, который тебя и ремеслу хорошо научитъ. А хорошій мастеръ выработаетъ не въ примѣръ больше какого-нибудь коробочника, которому подчасъ и ѣсть нечего. Вотъ хоть твой отецъ; не понравилось ему на прежней фабрикѣ, онъ перешелъ сюда, не понравится тутъ—перейдетъ въ другое мѣсто; потому хорошему, знающему мастеру у насъ всегда работа найдется,—хозяева дорожатъ такими. Такъ не выгоднѣе-ли тебѣ и твоимъ домашнимъ отказаться отъ теперешняго твоего небольшаго заработка? Если ты будешь учиться, какъ слѣдуетъ, то потомъ будешь заработывать столько, что твоя семья, если только никакого у васъ несчастья не случится, заживетъ припѣваючи. Впрочемъ, школьныя занятія у тебя займутъ не все время; ты, посѣщая школу, можешь понемножку заниматься и домашней работой, только разумѣется уже не цѣлые дни, какъ теперь.

Сомнѣнія Миши были разрѣшены; онъ вполнѣ убѣдился доводами Ивана Сергѣича и далъ ему слово съ перваго же дня ученія явиться въ школу.

VI.

Миша уже давно привыкъ крѣпко держать свое слово, да и ученіе у Ивана Сергѣича ему понравилось. Къ лѣту онъ выучился уже читать, хотя и не бойко, но понимая смыслъ читаемаго; съ осени же онъ сталъ исправно посѣщать школу. Смышленый отъ природы, привыкшій не въ шутку работать, онъ дѣлалъ большіе успѣхи и радовалъ своихъ и учителя, который успѣлъ всѣмъ сердцемъ привязаться къ своему новому ученику. Выучившись свободно читать, онъ бралъ у Ивана Сергѣича разныя книжки, которыя читалъ вслухъ матери и сестрѣ, занятымъ какимъ нибудь шитьемъ или вязаньемъ; отецъ, возвращаясь съ работы въ ожиданіи ужина, также часто дѣлался его слушателемъ и высказывалъ за ужиномъ свои всегда здравыя сужденія о слышанномъ. Семья замѣтно стала болѣе, чѣмъ прежде, жить умственными интересами, которые чуть не совершенно поглощали Мишу. Впрочемъ онъ не оставлялъ совершенно своей клейки, хотя посвящалъ этой работѣ сравнительно мало времени. Теперь онъ работалъ только для одной кандитерской, въ которую сестра относила его произведенія.

Такъ прошло года два; Миша успѣлъ уже значительно вырости и окончить курсъ въ школѣ. При помощи уроковъ Ивана Сергѣича, бесѣдъ съ нимъ и чтенія онъ замѣтно развился и судилъ о вещахъ съ той основательностью, которая рѣдко замѣчается въ дѣтяхъ его возраста. Вскорѣ отецъ опредѣлилъ его, по рекомендаціи Ивана Сергѣича, который давно уже сдѣлался другомъ семьи, въ большую механическую мастерскую къ одному изъ лучшихъ мастеровъ города. Мишѣ не въ диковинку была работа; въ короткое время онъ привыкъ къ новому дѣлу и заслужилъ своимъ прилежаніемъ и сметливостью любовь хозяина. Работая въ теченіе цѣлаго дня, Миша по вечерамъ занимался черченіемъ и чтеніемъ книгъ, которыми не переставалъ его снабжать Иванъ Сергѣичъ. Только теперь онъ читалъ уже другія книги, которыя онъ одолѣвалъ не только безъ утомленія, а напротивъ съ большимъ удовольствіемъ. Умственный кругозоръ его расширялся и изъ него обѣщалъ выйти не только хорошій работникъ, но и порядочно образованный человѣкъ.

Читателя, безъ сомнѣнія, интересуетъ дальнѣйшая судьба Миши. Оправдалъ ли онъ въ жизни тѣ ожиданія и надежды, которыя питали всѣ близко знавшіе его въ дѣтствѣ? Вышелъ ли изъ него честный и полезный другимъ членъ общества? Возлагаемыя надежды не всегда сбываются въ жизни, не всегда дѣти, обѣщающіе быть хорошими людьми, дѣлаются такими впослѣдствіи; подпавъ подъ дурныя вліянія, они измѣняютъ свой неокрѣпшій характеръ и привычки и изъ многообѣщающихъ въ дѣтствѣ часто дѣлаются дурными и даже вредными людьми. Но, къ счастью, не такимъ вышелъ Миша; онъ, привыкшій добиваться до всего своимъ трудомъ лишь при разумномъ руководствѣ тѣхъ дорогихъ для него наставниковъ, которые даны были ему природой въ лицѣ отца и матери, и счастливымъ случаемъ, какъ Иванъ Сергѣичъ,—онъ неустаннымъ трудомъ и образованіемъ выработалъ себѣ крѣпкій и честный характеръ; который не пойдетъ уже ни на какія соглашенія и сдѣлки съ неправдой. Миша никогда не достигъ какихъ либо особыхъ почестей и богатства, но жилъ безбѣдно, пользуясь вполнѣ заслуженнымъ имъ уваженіемъ, какъ хорошій человѣкъ и исправный работникъ; онъ сдѣлался однимъ изъ тѣхъ героевъ труда, которые, работая всю свою жизнь, не попадаютъ въ исторію, но благодаря которымъ вы, мои читатели, и другіе люди пользуются массой тѣхъ удобствъ въ жизни, о которыхъ нельзя бы было и мечтать, еслибъ на свѣтѣ не было такихъ скромныхъ тружениковъ. Не въ долгу ли вы, мои читатели, у такихъ людей, какъ Миша?

Н. Перетцъ.

РАЗСКАЗЫ

ТЕТИ ЮДИ.

(Съ англійскаго).

РАСТУЩАЯ ЗЕЛЕНЬ НЕ НА МѢСТѢ.

Кто бы ни гулялъ по лугу, можетъ найти,
въ каждой почкѣ, былинкѣ и цвѣткѣ смыслъ,
подходящій къ настроенію своего духа.

Было прекрасное майское утро; не было палящаго солнца, но не было и холоднаго восточнаго вѣтра; словомъ, день былъ не изъ числа такихъ, когда затрудняешься сказать: жарко, или холодно; и когда у нянекъ начинаются безконечные споры насчетъ того, нужны-ли шарфики и теплыя кофточки, чтобы не приключилась какая нибудь болѣзнь ихъ молодымъ питомцамъ во время предстоящей бѣготни и другихъ дѣтскихъ забавъ. Это былъ пріятный весенній день, когда воздухъ наполненъ благоуханіями и когда съ наслажденіемъ остаешься подъ открытымъ небомъ, гдѣ-бы-то ни было, въ саду, въ аллеѣ или въ полѣ; даже самыя безпокойныя и заботливыя мамаши рѣшаются, въ такой день, пустить своихъ дѣтей въ однихъ легкихъ полотняныхъ курточкахъ. Въ такой день, конечно, никому не хотѣлось бы быть больнымъ, но какъ людямъ не предоставлено права опредѣленія дней своихъ болѣзней, то одинъ изъ нашихъ старыхъ друзей—малютокъ, бѣдный маленькій № 7, лежалъ въ постелѣ, въ скарлатинѣ.

«Вообще дѣти переносятъ болѣзнь хорошо»,—говорилъ когда-то мудрый, старый человѣкъ:—«они переносятъ болѣзнь непо-

средственнымъ прямымъ страданіемъ». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что дѣти сознаютъ болѣзнь только въ самую минуту боли, но не заботятся ни о причинахъ, ни о послѣдствіяхъ, а главное не сокрушаются о томъ, что будетъ. Если человѣкъ взрослый сумѣетъ достигнуть этого состоянія безбоязненнаго самоотреченія, то это будетъ однимъ изъ высшихъ торжествъ христіанской вѣры. Торжество это выражается въ простыхъ словахъ «предаю духъ мой волѣ Твоей», которыя больные съ такимъ трудомъ произносятъ на смертномъ одрѣ.

№ 7 представлялъ собою дѣйствительный примѣръ въ подтвержденіе высказанной истины; онъ былъ совершенно спокоенъ духомъ и не придавалъ никакого значенія своей болѣзни. Первые два дня, когда онъ, дрожа, сидѣлъ у камина, читая «Жизнь на морѣ» Нейлль д'Арси, на вопросы о его здоровьѣ, онъ съ обычной улыбкой отвѣчалъ:—«Ахъ! все хорошо, только иногда маленькая дрожь». Послѣ, когда онъ уже лежалъ въ теплой комнатѣ, въ постелѣ, на вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣтилъ почти также спокойно, только уже безъ улыбки:—«Ничего; только немножко жарко».

Относительно пріема лекарствъ онъ нисколько не упрямился, хотя и попытался было высказать свой совѣтъ на счетъ лучшаго способа принимать это противное вещество, были-бы-то порошки, или масло; но, не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, необходимо объяснить, что совѣтъ его признанъ былъ не имѣющимъ достаточнаго основанія, и больной не только принималъ лекарства, но даже всякій разъ благодарилъ, а по пріемѣ тотчасъ-же закрывалъ глаза и лежалъ совершенно спокойно. Къ счастью у № 1 и школьника № 3, а также у папы и мамы, была уже эта болѣзнь и слѣдовательно было кому ухаживать за больнымъ и заботиться о хозяйствѣ; оставалось только рѣшить, что дѣлать съ прочими малютками, пока няня такъ занята,—и тетя Юдя охотно предложила свои услуги въ ихъ распоряженіе.

Конечно, ухаживать за такимъ спокойнымъ больнымъ не было особенно трудною задачею, но, къ сожалѣнію, нельзя было того же сказать о заботахъ, выпавшихъ на долю тети Юди. Правда, что малютки очень сокрушались о болѣзни № 7, но къ несчастью, онѣ забывали объ этомъ каждый разъ, когда уходили

въ свою комнату, притомъ онѣ не могли сообразить, что, заставляя пуделя лаять на мячикъ, каждый разъ заставляли больнаго просыпаться.

Пользуясь такимъ прекраснымъ днемъ и для избѣжанія безпокойнаго шума, тетя Юдя рѣшилась спровадить всѣхъ въ садикъ, предложивъ дѣтямъ заняться расчисткою въ немъ мѣста, удобнаго для игръ; а сама усѣлась въ маленькой компатѣ, изъ которой окно выходило въ паркъ, гдѣ именно должны были играть дѣти; она думала такимъ образомъ соединить свои собственныя занятія съ должностію наблюдателя надъ маленькими садовниками и, какъ она выражалась, поддерживать въ домѣ спокойствіе, но въ этомъ случаѣ ей суждено было разочароваться въ своихъ надеждахъ.

Едва ли нужно описывать процессъ устройства садовъ у общества малютокъ: это рядъ проэктовъ, которые предлагаются, обдумываются, но никогда не приводятся въ исполненіе тѣми, кто ихъ предлагаетъ. Случается не рѣдко, что всѣмъ одновременно понадобятся грабли, и никто, конечно, не захочетъ замѣнить ихъ какимъ-нибудь другимъ инструментомъ, находя ихъ вещами совершенно безполезными. Иногда бываетъ, что множество цвѣтовъ пересаживаютъ съ мѣста на мѣсто, въ полномъ цвѣту, которые, конечно, скоро засыхаютъ, хотя, сказать по правдѣ, иначе и невозможно судить о томъ, на какомъ мѣстѣ они будутъ красивѣе, ежели не видѣть ихъ на этомъ мѣстѣ въ полномъ цвѣту Случается, что множество сѣмянъ не успѣютъ взойти, такъ-какъ совершенно некстати является какое-нибудь новое предположеніе, вслѣдствіе котораго начинаютъ разрывать землю тамъ, гдѣ уже посажены сѣмена, и въ то время, когда лопаются сѣмянныя оболочки, чтобы пустить ростки. Наконецъ, поливка грядъ бываетъ несвоевременна и черезъ-чуръ обильна.

И вотъ результатъ всего этого: дорожки и гряды перепутались, а земля, песокъ и валяющіеся инструменты составляютъ такую смѣсь, что всякій, не привыкшій къ подобнымъ явленіямъ, могъ-бы предположить, что, вѣроятно, по неосторожности, открыли дверь отъ хлѣва, на скотномъ дворѣ, и обитатели его безъ церемоніи поработали своими рылами въ саду малютокъ.

Тетя Юдя все это предвидѣла, а потому сообщила имъ нѣкоторыя правила и давала необходимыя наставленія, чтобы пре-

дотвратить подобную катастрофу. Сначала все шло хорошо: малютки принялись за дѣло весело и охотно, раздѣлили между собою орудія, по возможности справедливо, причемъ тетя Юдя одобрительно кивала головой изъ окна, а затѣмъ она принялась за изученіе весьма интереснаго ариѳметическаго правила, «Правило исключенія третьяго», которое состоитъ въ томъ, что на основаніи двухъ предположеній составляютъ два вывода, и, исключивъ въ нихъ одно изъ предположеній, получаютъ настоящую величину другаго. Нѣсколько дней до этого, тетя Юдя впервые увидѣла подобное правило въ одной старой счетной книгѣ; оно чрезвычайно заинтересовало ее, и хотя правилу этому дано гораздо большее примѣненіе въ алгебрѣ, чѣмъ въ ариѳметикѣ, но она съ охотой принялась изучать его.

Нѣтъ сомнѣнія, что это было самое простое алгебраическое правило, но для молодыхъ людей, не учившихъ еще алгебры, будетъ весьма интересно рѣшать нѣкоторыя задачи при помощи правила, надъ которымъ такъ трудилась тетя Юдя и которое даетъ возможность рѣшить подобную задачу: мы имѣемъ рыбу, голова которой 9 дюймовъ, хвостъ ея равенъ головѣ и половинѣ спины, а спина равняется головѣ и хвосту вмѣстѣ. — Найти длину всей рыбы?

Но тетю Юдю съ ея рыбой не оставляли въ покоѣ, и въ то самое время, какъ она углубилась, теряясь въ предположеніяхъ и ошибкахъ, послышался стукъ въ окно.

— Тетя Юдя!

— Подожди, — было отвѣтомъ и, не выпуская грифеля, она подняла руку, требуя молчанія, пока она занята своими вычисленіями.—Значитъ спина 42 дюйма; теперь хвостъ=половинѣ спины, или 21 дюйму, и головѣ, которая, намъ извѣстно = 9, слѣд.=30; а 30+9=39, это будетъ спина.—Никакъ не выходитъ! Опять ошибка, 3 дюйма.

— Что случилось № 6? Неужели вы начали уже ссориться?

— О, нѣтъ,—отвѣчала № 6, прилюснувъ свой носъ къ стеклу окна.—Но видишь-ли, тетя Юдя, № 8 не хочетъ больше украшать свой садикъ раковинами устрицъ; онъ говоритъ, что это выглядитъ такъ грубо, но какъ его садикъ прилегаетъ одною стороною къ моему, то если онъ сниметъ раковины, то одна сторона моего садика, знаешь, которая приходится въ серединѣ,

будетъ совершенно обнажена. Понимаешь-ли? Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы раковины были вокругъ всего моего сада, такъ какъ мама говоритъ, что на раковинахъ есть зоофиты. — Ну, какже мнѣ быть?

Рѣшить этотъ вопросъ было весьма затруднительно: рыба съ головою въ 9 дюймовъ и съ хвостомъ равнымъ головѣ и половинѣ спины, была просто ничто въ сравненіи съ этимъ.

Тетя Юдя растворила окно.—Голубчикъ № 6—отвѣтила она, у васъ, какъ вижу, возбудился весьма важный вопросъ о размежеваніи вашихъ владѣній, вопросъ, который даже цѣлые народы не могутъ никакъ разрѣшить и враждуютъ до тѣхъ поръ, пока которая-нибудь не уступитъ.

Чтобы уладить дѣло, по моему, есть только одно средство: пусть каждый изъ васъ уступитъ по кусочку своего сада, въ пользу общей дорожки, по которой можно будетъ вамъ бѣгать, и если вы оба согласитесь на уступку, то я оставлю свою рыбу до вечера и сама приду къ вамъ; къ тому-же погода слишкомъ хороша, чтобы оставаться въ комнатѣ, и кромѣ того я надѣюсь найти дѣло каждому изъ васъ.

— Я уступлю непремѣнно,—вскричала №6,- совершенно довольная, что отдѣлалась отъ спора,—и думаю, что ты, № 8 также уступишь, прибавила она, обращаясь къ мальчику, который стоялъ, держа полный передникъ грязныхъ раковинъ, и не совсѣмъ понялъ значеніе ея словъ.

— Что я уступлю?—спросилъ онъ.

— Это все равно! Брось раковины и иди сюда, къ тетѣ Юдѣ, что будетъ гораздо веселѣе, чѣмъ стоять здѣсь.

№ 8 опустилъ свой передникъ и высыпалъ ненужныя ему болѣе раковины одну за другой, но, какъ-бы вы думали, куда? прямо-таки на середину своего маленькаго садика. По его лицу можно было судить, что занятіе это ему въ особенности понравилось и что онъ не прочь былъ освободиться отъ своей ноши.

— Видишь-ли, тетя Юдя,—обратилась № 6 къ сестрѣ,-которая въ то же время подошла къ нимъ,—главное дѣло не въ украшеніи раковинами, а въ томъ, что садикъ № 8 всегда въ ужасномъ безпорядкѣ, и я хочу непремѣнно, чтобы между нашими садиками была перегородка.

— Вотъ именно у васъ и будетъ перегородкой эта тропинка,—возразила тетя Юдя—и знаете-ли, что послѣ рѣки, дорога считается лучшею межевою линіей.—Берите теперь всѣ инструменты и идите за мной: я дамъ вамъ правильныя работы и назначу даже за нихъ плату, по полу-фартингу за каждые полчаса. Подумайте, какая великолѣпная награда!

Малютки радостно привѣтствовали предложеніе тети Юди и послѣдовали за нею, расчитывая сколько полу-часовъ онѣ будутъ работать, сколько получатъ за это полу-фартинговъ, что составятъ всѣ полу-фартинги и наконецъ начали разсуждать о количествѣ и разнообразіи вещей, которыя онѣ себѣ купятъ на заработанныя деньги. Всѣ эти счеты и предположенія довели тетю Юдю до того, что она также углубилась мысленно въ преслѣдующее ее правило «Исключеніе третьяго».

Наконецъ, она привела дѣтей въ хорошенькую аллею, окаймленную со всѣхъ сторонъ кустами, куда онѣ всегда охотно ходили. Съ одной стороны, эту аллею ограждалъ частый плетень, въ которомъ жимолость и терновникъ росли въ изобиліи, сплетаясь между собою. Это было самое лучшее мѣсто, какое только можно вообразить, для прогулки въ тихій лѣтній вечеръ. Когда вы шли по этой аллеѣ, то душистый запахъ цвѣтовъ жимолости разливался вокругъ васъ и наводилъ васъ на мысль о какой-то далекой странѣ, гдѣ сладостныя ощущенія, производимыя благоуханіемъ цвѣтовъ, не такъ скоро проходятъ, какъ здѣсь.

Посреди этой аллеи стояла бесѣдка, нисколько не похожая на тѣ бесѣдки, которыя ставятся какъ-бы въ насмѣшку надъ деревенскимъ стилемъ. Бесѣдка эта сохранила характеръ старинныхъ построекъ, и походила на одно изъ тѣхъ строеній, которыя воздвигались на лужайкахъ для деревенскихъ игръ. Входъ въ нее былъ съ солнечной стороны, а крыша поддерживалась нѣсколькими колоннами въ іоническомъ вкусѣ, обвитыми весьма тщательно «clematis» — страстоцвѣтомъ. Внутри бесѣдки стояли столъ и стулья, что составляло удобство для чтенія и даже для рисованія, такъ-какъ изъ нея виднѣлась прелестная мѣстность, и вдали хорошенькая деревенька, и все въ ней было какъ-бы нарочно устроено для молодежи, любящей помечтать и находящейся всегда въ поэтическомъ настроеніи духа.

Войдя въ свою любимую аллею, малютки пустились взапуски, передъ тетей Юдей, но вдругъ № 6 остановилась.

— Тетя Юдя, посмотри, пожалуйста, на эту ужасную траву! А! я теперь догадываюсь, для чего ты привела насъ сюда!

Догадка № 6 была совершенно основательна, такъ-какъ отъ дождей, шедшихъ въ послѣдніе дни, трава выросла въ большомъ изобиліи, чрезъ что любимая дѣтьми аллея, представлялась въ самомъ запущенномъ видѣ.

Тетя Юдя, указавъ малюткамъ на траву, которую слѣдовало выполоть, и, повторивъ свое обѣщаніе касательно полу-фартинговъ, усѣлась въ бесѣдку и принялась высчитывать длину рыбы.

Сначала весьма забавно было слышать, какъ малютки, даже во время работы, продолжали свои расчеты относительно красоты и разнообразія вещей, которыя онѣ пріобрѣтутъ на заработанные полу-фартинги, но потомъ говоръ дѣтей постепенно умолкалъ и наконецъ полу-фартинги и вещи, казалось, были совершенно забыты и какая-то новая мысль заняла ихъ мѣсто; эта новая идея состояла въ томъ, что заданный урокъ казался имъ необыкновенно тяжелымъ.

— Я увѣренъ, что въ моемъ кускѣ гораздо больше травы, чѣмъ у другихъ,—замѣтилъ самый старшій изъ дѣтей, вставая, чтобы дать отдохнуть своей утомленной спинѣ, и разсматривая аллею.—Не думаю, чтобы тетя Юдя справедливо раздѣлила между нами работу».

— Такъ чтожъ! ты самый большой и долженъ работать больше другихъ,—возразила № 6.

— Да, если бы немножко больше, то это было-бы ничего, но на мою долю досталось слишкомъ много этого больше,—настаивалъ № 5,—и потому-же работа эта ужасно скучная.

— Что за вздоръ!—возразила снова № 6,—я не думаю, чтобы въ твоемъ кускѣ трава была гуще, нежели въ моемъ. Посмотри, какая у меня большая куча, а я увѣрена, что работала не меньше другихъ!

Сказавши это, № 6 встала посмотрѣть, какъ идутъ дѣла, и притомъ ей вовсе не мѣшало перемѣнить свое положеніе.

— Мнѣ досталось больше всѣхъ,—бормоталъ про себя № 8,—все еще стоя на колѣняхъ надъ своей работой.

Нечего и говорить, что это было совершенно неосновательное замѣчаніе и даже, можно сказать, маленькое хвастовство.

— Если вы будете такъ много болтать, то не получите ни одного полу-фартинга!—воскликнулъ № 4, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Вслѣдъ за этимъ предостереженіемъ наступило молчаніе и маленькое общество дружно принялось за работу. Но молчаніе продолжалось весьма недолго, такъ-какъ вскорѣ № 5, который любилъ шутить, замѣтилъ кротко.

— Желательно знать, чтобы сказали объ этомъ маленькія жертвы?

— Онѣ возненавидѣли-бы это,—отвѣчала № 6 рѣшительно.

Все дѣло заключалось въ томъ, что малютки дѣйствительно начали уставать, такъ-какъ прекрасное майское утро обратилось уже въ жаркій день, а чрезъ нѣсколько минутъ онѣ чувствовали такую усталость, что съ трудомъ приподнимались со своихъ мѣстъ.

№ 6 встала, стряхнула песокъ съ платья и сдула его съ рукъ, откинула назадъ густые локоны, надѣла, какъ слѣдуетъ, шляпку, откинутую во время работы на спину, и затѣмъ воскликнула:

— Ахъ, какъ-бы я желала, чтобы на свѣтѣ не было такихъ вещей, какъ эта несносная трава!

Подобное замѣчаніе, казалось, поразило остальныхъ малютокъ, онѣ всѣ вдругъ перестали полоть, а тетя Юдя поспѣшила къ выходу бесѣдки.

— Ты желала-бы этого, тетя Юдя?—прибавила № 6, вполнѣ увѣренная, что сестра слышала ея слова.

— Ни въ какомъ случаѣ,—отвѣчала тетя Юдя;—я слишкомъ большая охотница до сливокъ къ чаю.

— Сливокъ къ чаю!—Но что же ты хочешь этимъ сказать?

Малютки оставались въ недоумѣніи.

— Ничего особеннаго,—отвѣчала тетя Юдя,—но ежели вы пожелаете придти сюда и сѣсть, то я разскажу вамъ кое-что.

Работа тотчасъ-же была оставлена, а малютки поспѣшили въ бесѣдку и вѣроятно еще никогда простые садовые стулья не казались имъ такъ удобны.

— Ужъ ежели желать,—объясняла № 5, протягивая во всю длину свои ноги,—то отчего-же не пожелать быть важной особой, имѣющей множество садовниковъ, чтобы выпалывать эти плевелы, какъ только онѣ взойдутъ и тѣмъ избавить себя отъ безпокойства.

— Лучше желать, чтобъ ихъ совсѣмъ не было,—настаивала № 6,—чрезъ что каждый избавится отъ подобныхъ заботъ.

— Ну, этого нельзя: иногда въ нихъ нуждаются.

— Что за идея! Кто-же когда-нибудь нуждается въ плевелахъ?

— Да ты-же сама.

— Я? что за вздоръ!

Но настойчивый № 5 продолжалъ пояснять, что нѣсколько дней тому назадъ она просила его принести немного крестовнику для канарейки; какъ онъ былъ удивленъ, не найдя этой травы въ саду, и какъ принужденъ былъ пробираться между заборами, чтобы достать ее хоть сколько нибудь. Подобное доказательство сильно озадачило № 6, и потому она удовольствовалась, проворчавъ.

— Ну-такъ пусть ростутъ между заборами.

— Не всегда плевелы, даже и возлѣ заборовъ, можно назвать дурною травою,—настаивалъ № 5,—иногда это бываютъ дикіе цвѣты.

— Мнѣ нѣтъ нужды до того, чѣмъ бываютъ плевелы,—произнесла надувшись № 6,—я желаю только жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бы ихъ совсѣмъ не было.

— А я желаю быть важнымъ бариномъ и имѣть множество садовниковъ, которые вырывали-бы ихъ,—утверждалъ № 5, который былъ въ мечтательномъ расположеніи духа и сидѣлъ на своемъ садовомъ стулѣ, заложивши руки подъ ноги и раскачиваясь лѣниво.—Плевелы, плевелы!—продолжалъ онъ, хотѣлось-бы мнѣ знать, къ чему пригодны плевелы.—Тетя Юдя, что такое плевелы?

Тетя Юдя дремала или-же размышляла о чемъ-нибудь въ родѣ рыбы и потому, не слышавъ послѣдняго разговора дѣтей, она какъ-будто пробудилась и отвѣчала.

— Зелень, растущая не на своемъ мѣстѣ.

— Зелень, повторилъ № 5,—какъ же такъ? Мы вѣдь не ѣдимъ ихъ, тетя Юдя!

— Ахъ, какой ты опытный огородникъ! кто-же говоритъ, что мы ихъ ѣдимъ,—возразила она;—но, позвольте вамъ замѣтить, что всѣ зеленыя травы называются зеленью, а развѣ всякую зелень мы ѣдимъ.

— О, я понимаю,—произнесъ спокойно № 5, и вслѣдъ за тѣмъ принялся разсуждать, что нѣкоторыя травы, употребляемыя нами въ пищу, называются овощами, но вообще всякая зелень необходима для пищи животнымъ.—Крестовникъ есть овощь для канарейки и я полагаю, что еслибы она имѣла огородъ, то въ немъ непремѣнно росъ-бы крестовникъ, точно также, какъ у насъ сладкій горошекъ.

И такъ, замѣть № 6, что я былъ совершенно правъ.

Еслибы ему не вздумалось подзадорить № 6, то все было-бы хорошо, и мысль его была-бы признана дѣйствительно свѣтлой мыслью.

— Тетя Юдя, разскажи что-нибудь,—проговорила № 6,—мнѣ хочется, чтобы № 5 успокоился и не надоѣдалъ-бы мнѣ.

— А онъ желаетъ того-же отъ тебя, я-же желаю этого для васъ всѣхъ. Но что же намъ дѣлать? — Постойте, я разскажу вамъ одну исторію, но только съ условіемъ: кто будетъ докучать, упрекать или поддразнивать другихъ, тотъ долженъ будетъ выйти изъ нашего общества.

№ 5 усѣлся, какъ слѣдуетъ, на своемъ стулѣ и обѣщалъ, что будетъ лучшимъ изъ хорошихъ, пока тетя Юдя не окончитъ своей исторіи.

— Послѣ чего,—прибавилъ онъ подмигнувъ глазомъ и засмѣявшись.

— «Послѣ чего», я буду надѣяться, что ты будешь вести себя скромно,—послѣдовалъ внушительный отвѣтъ тети Юди.

Когда, наконецъ, водворилась совершенная тишина, тетя Юдя начала такъ.

— Жилъ-былъ однажды... кто-бы вы думали?—затѣмъ она остановилась и взглянула на дѣтей.

— Великанъ!—воскликнулъ № 8.

— Прекрасная принцесса!—сказала № 6.

— Нѣкто,—сказала тетя Юдя,—но я не назову его теперь, вы должны сами догадаться, а когда мнѣ придется ссылаться на него, то я буду называть его «Нѣкто», или просто буду

говорить «Гм», какъ обыкновенно дѣлаютъ люди, когда не хотятъ чего-нибудь сказать.

Вниманіе малютокъ увеличилось и онѣ съ нетерпѣніемъ ожидали продолженія разсказа, чтобы поскорѣе отгадать это таинственное «Нѣкто».

Тетя Юдя продолжала.—И такъ, этотъ—«Гм» жилъ на одномъ большомъ лугу и восхищалъ всѣхъ, кто его видѣлъ. Владѣлецъ помѣстья постоянно хвастался предъ своими друзьями, утверждая, что это самый богатый, самый красивый и самый драгоцѣнный «Гм,» во всей окрестности. И дѣйствительно, на весьма значительное разстояніе, не было ничего, чему такъ-бы удивлялись и такъ-бы цѣнили, какъ этого «Нѣкто». Всякій прохожій замѣчалъ его и невольно расточалъ ему множество похвалъ. Когда-бы ни случилось видѣть его, лѣтомъ или осенью, но въ оба эти времени года «Нѣкто» былъ прелестенъ и постоянно служилъ предметомъ разговора. «Ты посмотри какой прелестный «Гм»,—было общее восклицаніе, при его видѣ; какой прекрасный имѣетъ цвѣтъ, какъ свѣжъ и полонъ и какъ дорого слѣдуетъ цѣнить подобный «Нѣкто». Затѣмъ, сказавшій это шелъ дальше, разсчитывая число рублей, гривенъ и копѣекъ, которые принесъ-бы «Гм», ежели, бы обратить его въ деньги, которыя, я должна вамъ сказать, хотя и очень полезны, но, къ сожалѣнію, весьма недостойный путь для опредѣленія степени уваженія. Даже Альбернейская корова, которая въ продолженіе осеннихъ мѣсяцевъ наслась на лугу, кротко посматривала на «Гм» и одобрительно пережевывала свою жвачку, а люди говорили, смотря на корову: нечего и удивляться, что она даетъ такое прекрасное молоко и сливки.

Тутъ № 5, предполагая, что догадался, воскликнулъ; — «Я угадалъ, я знаю!

Но тетя Юдя тотчасъ остановила его: «никто не спрашиваетъ вашего мнѣнія; пожалуйста, сохраните его для себя»!

№ 5 замолчалъ, но радостно потиралъ свои руки.

— И такъ,—продолжала тетя Юдя,— этотъ «Нѣкто» долженъ бы быть самымъ довольнымъ въ свѣтѣ: достоинства его признавались всѣми; въ его пользѣ никто не сомнѣвался; красота его была предметомъ безпрестанныхъ удивленій,—что оставалось ему еще желать?—Казалось-бы—нечего, но при одномъ непред-

видѣнномъ случаѣ—этотъ «Нѣкто» остался недоволенъ своимъ мѣстомъ на лугу и пожелалъ лучшаго положенія въ жизни, которое онъ могъ и занять по своимъ высокимъ качествамъ. Короче, «Нѣкто» захотѣлъ сдѣлаться обитателемъ сада. Несчастный случай, породившій такую глупую мысль, былъ слѣдующій: однажды утромъ, маленькій мальчуганъ пробѣгалъ чрезъ прекрасный лугъ, держа въ рукѣ банку, наполненную приманкою для ловли рыбъ, но вдругъ оступился и упалъ, при чемъ находящіеся въ банкѣ черви, набранные имъ въ саду, прилегающемъ къ лугу, разсыпались въ разныя стороны. Мальчикъ, подобравъ червей, сколько могъ найти, пустился въ путь, оставивъ на мѣстѣ одного незамѣченнаго имъ червяка. Оставленный нѣсколько минутъ былъ безъ чувствъ, но скоро пришелъ въ себя и, убѣдившись, что находится въ совершенно незнакомомъ ему мѣстѣ, началъ сердиться и ворчать. Что за неуклюжее сосѣдство! воскликнулъ онъ; что за неудобные, непроходимые пути! Что за несчастье червяку попасть въ такое мѣсто: нѣтъ никакой возможности подвинуться хоть на дюймъ впередъ безъ того, чтобы не отбить свои бока объ эту невоздѣланную почву!

— «Судите-же сами, мои милые,—продолжала тетя Юдя,—что долженъ былъ почувствовать нашъ «Нѣкто», при такихъ оскорбительныхъ замѣчаніяхъ, жившій такъ гордо и счастливо на своемъ лугу! Онъ, конечно, возмутился духомъ, какъ, вѣроятно, возмутились бы и вы, и, не колеблясь, заявилъ незваному гостю, что путешественники, которые начинаютъ хулить страну, прежде чѣмъ возьмутъ на себя трудъ изслѣдовать ея достоинства, бываютъ чрезвычайно глупы и дерзки.

«Слово за слово и наконецъ дошло до того, что возраженія и порицанія посыпались съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ.

«Дождевой червякъ, поуспокоившись, спросилъ: въ чемъ-же заключаются достоинства этой страны, гдѣ такія, какъ онъ, нѣжныя, тонкокожія, ползающія созданія не могутъ двигаться иначе, какъ только испытывая безпрестанно непріятности?—Нашъ милый «Нѣкто» не нашелся, что отвѣтить на подобный вопросъ, и заявилъ червяку, что особы, гораздо по важнѣе его, не порицаютъ этого мѣста и выставилъ въ примѣръ своего друга и почитателя Альдернейскую корову.

«Приэтомъ червякъ показалъ притворную забывчивость и какъ-бы вспоминая, повторялъ:—«Корова, корова... да я и не знаю такого созданія!—Ахъ, да, теперь припоминаю: неуклюжія ноги, раздвоенныя копыта и тому подобныя вещи»;—потомъ началъ намекать, что все, удовлетворяющее корову, не достаточно элегантно для его болѣе изысканныхъ привычекъ.—Очень можетъ быть,—заключилъ онъ съ притворнымъ смиреніемъ,—что все мое несчастіе состоитъ именно въ томъ, что я привыкъ къ высшему обществу; но положеніе, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время, можетъ заставить меня желать превратиться въ корову, съ неуклюжими ногами и раздвоенными копытами. Вотъ до чего можно дожить!

«Повѣрите-ли,—продолжала тетя Юдя,—что червякъ хвастался до тѣхъ поръ, пока бѣдный, обманутый «Нѣкто» повѣрилъ каждому его слову и даже рѣшился спросить его, въ какомъ благодатномъ мѣстѣ онъ пріобрѣлъ такой возвышенный вкусъ и знаніе. Червякъ, конечно, воспользовался такимъ благопріятнымъ случаемъ и разразился самой напыщенной и хвастливой рѣчью.

«Путешественники могутъ безнаказанно хвастаться передъ тѣми, которыя не видѣли ничего, кромѣ мѣста, на которомъ живутъ постоянно; совѣсть же червяка нисколько не препятствовала ему говорить неправду.

«Продолжая такимъ образомъ болтать, онъ описалъ садъ, въ которомъ жилъ, самыми прекрасными красками. Роскошные цвѣты, бархатныя лужайки, хорошо устроенныя аллеи, усыпанныя пескомъ, по которымъ онъ имѣлъ обыкновеніе совершать свои раннія утреннія прогулки, рядомъ съ болѣе грубыми обитателями той-же страны, въ родѣ собакъ, кошекъ и т. п. Продолжая рѣчь въ томъ-же хвастливомъ духѣ, онъ прибавилъ, что разговаривалъ съ этими обитателями также свободно, какъ-бы съ равными себѣ; толковалъ объ уходѣ и присмотрѣ за находящимися въ этомъ мѣстѣ растеніями, какъ будто садовники устраивали все это для его удобствъ и успѣха.

«Разсказывая такъ подробно, онъ не считалъ нужнымъ упоминать о тѣхъ недостойныхъ вниманія и ничтожныхъ случаяхъ, когда, прогуливаясь по бархатнымъ лужайкамъ, подвергался опасности со стороны несносныхъ лопатъ, или когда принужденъ

былъ спасаться отъ птицъ, чтобы не быть съѣденнымъ. По его описанію въ саду царствовала только радость. Онъ до того былъ доволенъ своимъ хвастовствомъ, что пришелъ въ самое хорошее расположеніе духа и заключилъ свою рѣчь снисходительнымъ желаніемъ, чтобы «Нѣкто» оставилъ это мѣсто и переселился въ садъ, наслаждаться описанною имъ жизнію.

— «Несравненная красота, которой вы обладаете,—воскликнулъ онъ,— увеличивается въ тысячу разъ подъ заботливымъ присмотромъ садовника! Васъ будутъ тамъ цѣнить также, какъ и здѣсь, но въ болѣе изысканномъ обществѣ, вы, конечно, займете болѣе видное мѣсто, такъ-что каждый мимо проходящій, увидя васъ, съ восторгомъ воскликнетъ: «посмотрите, какой прелестный гм».

— О, милая, тетя Юдя!—воскликнула № 6,—неужели гм, какъ ты его называешь, былъ настолько глупъ, что повѣрилъ его словамъ?

— Ахъ, моя дорогая,— отвѣчала тетя Юдя,—могъ-ли простодушный бѣдняжка устоять противъ такой лести!

«Но вотъ когда начинается самое трудное; такъ-какъ «Гм», не имѣя ногъ, не въ состояніи былъ перемѣнить мѣста.

— Еще-бы; конечно, не могъ!— произнесъ № 5.

— Смирно!—закричала тетя Юдя и продолжала.

«Гм.» въ отчаяніи повѣсилъ голову, но вдругъ свѣтлая мысль озарила его. Хотя онъ самъ не могъ перемѣнить мѣста и воспользоваться описанной жизнію, но за то дѣти его могутъ это сдѣлать. Утѣшая себя этимъ, онъ откровенно высказался червяку; и хотя червякъ, не имѣя сердца, не могъ этому сочувствовать, но за то онъ имѣлъ языкъ, дающій возможность похвастать. Онъ сказалъ, что если «Гм» пожелаетъ послать своихъ дѣтей въ садъ, то онъ будетъ очень радъ, просто въ восторгѣ ввести ихъ въ то общество; онъ размѣститъ ихъ въ лучшихъ мѣстахъ и позаботится, чтобы за ними ухаживали, какъ слѣдуетъ; въ заключеніе же прибавилъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего-бы онъ не могъ сдѣлать, если только пожелаетъ. Послѣ подобнаго самохвальства, червяку ничего не оставалось больше, какъ только поскорѣй убраться, что онъ и поспѣшилъ сдѣлать; оставивъ въ «Нѣкто» удивленіе и досаду.

Вскорѣ «Нѣкто» снова ободрился, когда наступило время послать дѣтей въ роскошное обиталище. Милыя мои,—сказалъ «Нѣкто»,—скоро вы начнете самостоятельную жизнь и я на-

дѣюсь, что будете относиться съ довѣріемъ къ вашему путеводителю. Я полагаю, что въ васъ настолько развито самолюбіе, что не вы пожелаете заглохнуть на этомъ несчастномъ лугу, ожидая какого нибудь путешественника, который можетъ никогда не явиться, чтобы возвысить васъ.

Рай счастія, о которомъ разсказывалъ червякъ, у васъ подъ руками. Идите! Отъ васъ требуется только немного старанія, и вѣтеръ поможетъ вамъ перенестись туда также легко, какъ переносится одуваньчикъ. Смѣлѣе, дѣточки! Ничто, выходящее изъ ряда обыкновеннаго, не пріобрѣтается безъ усилій. Помните: какъ только подуетъ сильный вѣтеръ, по тому направленію, я встряхну моими головками, какъ можно сильнѣе, чтобы вы могли слетѣть. Вы знаете, что всѣ двери и окна теперь отворены, такъ что вы безпрепятственно можете пуститься по вѣтру. Помните только одно: когда сядете гдѣ нибудь въ саду, то держите прямо ваши головы и заставляйте уважать себя, мои милыя.

Дѣти тотчасъ же согласились на предложеніе и были весьма довольны такимъ наставленіемъ.—Но вотъ пришелъ благопріятный моментъ, мать отряхнула свои головки и они полетѣли по вѣтру, довѣряясь его руководительству.

Чрезъ нѣсколько минутъ они достигли сада и размѣстились на грядахъ, на лужайкѣ и на гладкихъ, усыпанныхъ пескомъ дорожкахъ. Но здѣсь должно замѣтить, что счастливы были тѣ изъ нихъ, которыя помѣстились не на видныхъ мѣстахъ!

— Плевелы, плевелы!—закричалъ неисправимый № 5, вскакивая со стула и прыгая нѣсколько разъ на одномъ мѣстѣ, на подобіе дервиша.

— Ахъ, это уже слишкомъ! Неправда-ли, тётя Юдя,—вскричала № 6,—прерывать вашъ разсказъ въ серединѣ?

На это тётя Юдя замѣтила, что разсказъ прерванъ не въ серединѣ, а въ концѣ, и что она очень довольна № 5, который отгадалъ значеніе ея «Гм».

Но № 6 не была удовлетворена: она любила слушать разсказъ до конца.

— Что же дѣти «Гм», выросли они въ саду и встрѣчались-ли съ червякомъ?

— Дѣти «Гм» взошли въ садъ, отвѣчала тётя Юдя,—и старались, какъ можно болѣе выставлять свою красоту на гладкихъ

песчаныхъ дорожкахъ; особенно же онѣ восхищались собою въ одно майское утро, послѣ проливнаго дождя, который способствовалъ имъ сдѣлаться болѣе замѣтными, чѣмъ обыкновенно. «Помните совѣтъ нашей матери»,—кричали онѣ другъ другу; «вотъ настала удобная минута, поднимемте наши головки выше и заставимъ уважать себя, голубчики».

Едва слова эти были произнесены, какъ въ аллею вбѣжала толпа грубыхъ созданій и одно, особенно безсердечное чудовище въ кудряхъ указало на прекрасныя, стройныя «Гм», прибавивъ: «Посмотри, тетя Юдя, какія ужасныя плевелы».

— Болѣе мнѣ нечего говорить,—заключила тетя Юдя,—вы сами знаете, какъ съ ними поступили и что вы имъ сдѣлали; знаете даже, какъ желали, чтобы ихъ совсѣмъ не было на свѣтѣ.

— Ахъ, тетя Юдя, какъ хорошо!—произнесла № 6, со вздохомъ, отъ избытка удовольствія.

— Такъ это «Гм» было также плевелы,—сказалъ № 8, не могшій узнать объ этомъ изъ разговора.

— На лугу это не было плевелы, отвѣчала тетя Юдя; тамъ оно приносило пользу и кормило альдернейскую корову. Тамъ оно было совершенно на мѣстѣ и всѣ считали «Гм» прекрасною травою; но когда совершенно некстати появилось въ аллеяхъ сада, гдѣ ему нечего дѣлать, то всякій называлъ эту прекрасную траву—плевелы.

— И такъ вы видите, что плевелы есть зелень не на мѣстѣ,—прибавилъ № 5, считавшій этотъ выводъ на половину своимъ собственнымъ,—поэтому не зачѣмъ желать, чтобы ихъ совсѣмъ не было.

Заключимъ, что все занимающее не соотвѣтствующее ему мѣсто, ничто иное, какъ плевелы, и прибавимъ, что только тогда слѣдуетъ желать измѣненія обстановки нашей жизни, когда навѣрное знаемъ, что предположенія наши вполнѣ справедливы. Довольно! разсказъ оконченъ, а теперь пойдемте домой, гдѣ каждый изъ садовниковъ и терпѣливыхъ слушателей можетъ разсчитывать получить отъ мамы по пятачку, а можетъ быть и болѣе; а какъ желаніе № 6 не осуществилось и на свѣтѣ еще существуютъ пастбища, а на пастбищахъ еще ростутъ плевелы, то я разсчитываю къ своему чаю получить сливки.

ОХОТНИКЪ.

Для игры дается: 1) шашечница, 2) двѣ кости, 3) одна лисица, 4) шесть собакъ и 5) два охотника. Шашечница приготовляется какъ обыкновенно. Каждая изъ фигуръ должна быть вырѣзана по контуру, вырѣзки склеены спинками и наклеены на подставку, точно такъ какъ дѣлали съ солдатиками при игрѣ въ крѣпость. Затѣмъ склеиваете игральную кость, представляющую кубъ, на сторонахъ котораго находятся различныя цифры отъ 1 до 6.

Мѣсто, которое долженъ занять каждый изъ играющихъ, опредѣляемое выброшенными костями, заставляется своею фигурою охотника, собакою или лисицею. Тотъ, кто выброситъ наибольшее число очковъ, играетъ лисицу, второй—собаку, третій—охотника.

Всякій играющій долженъ внести въ кассу по 6 марокъ, которыми могутъ служить, цвѣтные бумажные кредиты.

Лисица можетъ бѣгать по всѣмъ номерамъ всей карты. Собака только по среднимъ. Охотникъ только по номерамъ внутреннихъ линій.

Очки, которые выходятъ при бросаніи костей, соотвѣтствуютъ номерамъ на картинѣ, которые занимаетъ шашка играющаго.

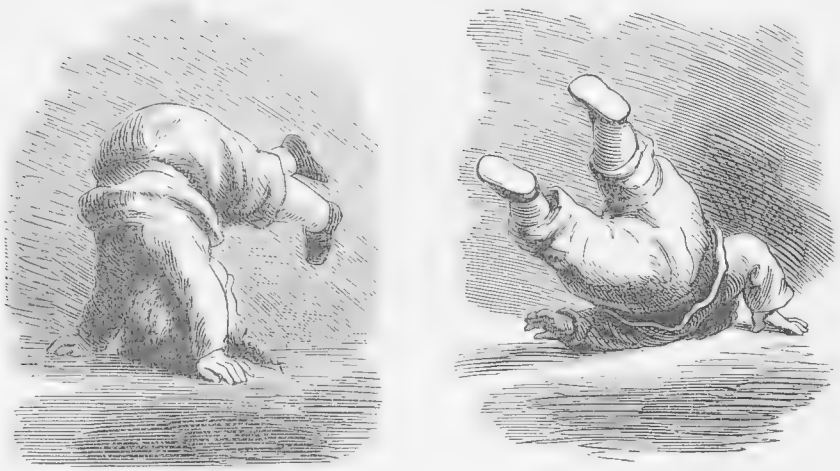
Если лисица попадетъ вмѣстѣ съ собакой на одинъ номеръ, то она платитъ въ кассу три марки за неосмотрительность; если же лисица три раза сойдется съ собакой на одномъ мѣстѣ, то лисица поймана и собака беретъ себѣ всѣ марки. Если лисица наткнется на охотника то охотникъ выигрываетъ игру.

Если лисица ни съ однимъ изъ нихъ не сойдется и у нее

будетъ на костяхъ въ продолженіе игры два раза по 6 очковъ и два раза по одному очку, то она выигрываетъ игру, то есть она тогда займетъ любую изъ норъ и беретъ себѣ всѣ марки.

Если собака попадетъ на тотъ номеръ, на которомъ только что была лисица, то она платитъ двѣ марки въ кассу за то, что прозѣвала ее.

При игрѣ можетъ быть много собакъ и охотниковъ, которые за каждый разъ, когда попадутъ на такой номеръ, который уже занятъ, платятъ по одной маркѣ въ кассу.



Домашній акробатъ.

Какой неловкій акробатъ! Я сдѣлаю лучше. Попробую; только подложу прежде подушку на полъ!